

КРЕМЛЬ-9

Газета Федеральной службы охраны Российской Федерации

БУДНИ КРЕМЛЕВСКИХ ЯСТРЕБОВ и других питомцев орнитологического подразделения СКМК ФСО России

Сотрудники орнитологического подразделения со своими подопечными - Филей (слева) и Бубо (справа)

Вот уже более сорока лет в Московском Кремле несут службу хищные ловчие птицы, основная задача которых — биологическая защита территории от ворон, которые могут наносить ущерб как памятникам Кремля, так его флоре и фауне. Несмотря на столь солидный опыт, кремлевские орнитологи не останавливаются на достигнутом — постоянно совершенствуют методы работы и пополняют пернатый отряд новыми «бойцами». В числе последних — филин по

кличке Бубо, уже второй по счету, и белый ястреб-тетеревятник Астра, ставший самым внушительным и грозным «оружием» среди своих сородичей. Об этих и других подробностях из жизни кремлевских орнитологов — наш сегодняшний материал.

Территорию Московского Кремля вороны пытались облюбовать достаточно давно. Первые попытки контролировать их численность зафиксированы еще в 1918 году, после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву - в те годы отстрелом ворон

на территории занимались стрелки 1-го Латышского коммунистического отряда. Позже, уже в послевоенное время, птиц стали отпугивать с крыш так называемыми «галкагонами», назначаемыми в наряд солдатами от Отдельного полка специального назначения. Но к началу восьмидесятых годов нашествие ворон на территорию Московского Кремля стало носить угрожающий характер. Врановые портили облик исторических зданий, сдирая позолоту на куполах церквей и оставляя глубокие царапины от когтей на крышах. Стра-

Старший филин живет в Московском Кремле уже 14 лет

дали и зеленые насаждения – вороны склевывали рассаду на клумбах, с корнем вырывали цветы и объедали верхушки деревьев. Под угрозой оказалась популяция мелких певчих птиц, в том числе соловьев – их врановые традиционно вытесняют со своей территории, разоряя гнезда и поедая птенцов. Ну и, самое тревожное, вороны всегда были известны как переносчики целого ряда инфекционных заболеваний – от орни-

тоза до птичьего гриппа. К ликвидации проблемы решили подойти основательно: в 1983 году комендантом Московского Кремля было принято решение о создании внештатного орнитологического подразделения, а на территории появились первые хищные ловчие птицы. В настоящее время задачи биологической защиты территории Московского Кремля возложены на орнитологическое подразделение Службы коменданта Московского Кремля ФСО России.

Популяция ворон за годы существования орнитологического подразделения заметно уменьшилась. «Основная наша задача – удалять врановых с территории Кремля и препятствовать их гнездованию, – говорят орнитологи. – Сейчас в Кремле нет ни одного вороньего гнезда. Что касается разгона ворон, наши птицы – это, если можно так выразиться, оружие «двойного действия». Когда кто-то из нас выходит с ястребом и напускает его на группу ворон, сидящих на траве, ему достаточно поймать только одну из них. Остальные немедленно передадут друг другу методом сигнализации, что на территории есть хищник и всем грозит опасность». При этом работа у ястребов достаточно опасная, ведь врановые – переносчики ряда различных заболеваний. По этой причине пойманных ворон у ястребов сразу же забирают, а птиц регулярно осматривают ветеринарные специалисты.

«Костяк» пернатого отряда, который

в наши дни ведет борьбу с воронами, составляют ястребы-тетеревятники. Есть в нем и другие виды хищных ловчих птиц – например, филины и сокол. Долгое время домики птиц располагались на косогоре в Тайницком саду. Но недавно отряду пришлось переехать – птиц частично было видно сверху, из Большого сквера, и сердобольные посетители Кремля частенько пытались подкормить пернатых, бросая кусочки колбасы, яблоки и другие непригодные для их питания продукты. Поэтому сейчас хищные птицы живут вдалеке от туристических маршрутов – у кремлевской стены, близ одной из башен. У каждой птицы – свой домик, в котором одна стенка – открытая. В самом домике и в нескольких метрах от него находятся присады, на которых птицы сидят. Таким образом, члены пернатого отряда могут свободно гулять и даже летать на небольшие расстояния. Благодаря специальному шнуру, прикрепленному одним концом к лапам птицы, а другим – к металлическому тросу, протянутому между присадами, птицы не могут удалиться от места жительства слишком далеко и зайти на территорию соседа. Последнее чревато серьезными последствиями, ведь ястребы – одни из самых агрессивных птиц. Дружбы между ними не бывает, отношения строятся по принципу «жертва-охотник». При этом любопытно, что в потенциальном противостоянии у самок шансов на победу гораздо больше – ведь по весу и размерам они почти в два раза больше самцов! Что касается других удобств птичьих домиков, рядом с каждым из них стоит ванночка – металлическая емкость с большим количеством воды. Из нее птицы пьют воду, а в жару – с видимым удовольствием купаются. Конечно, воду в ванночках регулярно меняют, поэтому она всегда свежая и прохладная.

Как рассказывают сотрудники орнитологического подразделения, в домах птицы живут круглый год. В хорошую погоду, как правило, сидят на крыше домика. Если начинается дождь или снег – прячутся внутрь. Исключением становятся морозы ниже -25 градусов – ястребов и сокола-сапсана при такой температуре временно переселяют в одну из кремлевских башен. Филинам же не страшны даже такие температу-

Представители семейства совиных - крайне опасные противники для ворон

Ястреб-тетеревятник Астра несет в себе кровь северных ястребов

На церемониях развода караулов и тренировках сокол-сапсан появляется в парадном клубке

ры благодаря их мохнатым лапам. А вот ледяной дождь – явление, опасное для всех птиц, поэтому в помещение перемещают пернатый отряд целиком.

Будни крылатых защитников Кремля состоят из рабочих дней, когда птицы тренируются и охотятся на ворон, и дней отдыха. График охоты зависит от текущей обстановки – если где-то на территории обнаруживается скопление ворон, ястребы выходят на «работу». Тренировки обычно проходят рано утром, когда Московский Кремль еще закрыт для посетителей, а также в течение дня по четвергам, когда в музее-заповеднике выходной. Занятия проводятся посменно – в первый день тренируется одна половина пернатых, на следующий день – другая. «Основная цель тренировки – научить птицу в любой ситуации четко следовать за сотрудником, – объясняют специалисты орнитологического подразделения. – Ястреба отпускают в свободный полет, но в любой момент, когда сотрудник его подзывает – протягивает руку с кормом, птица должна сойти на перчатку». Контакт основан исключительно на пищевых рефлексах – ястреб будет следовать за «тренером», пока испытывает голод. Привязанности к людям, как у домашних животных, у хищных птиц нет.

Когда цель занятия достигнута, птицу докармливают до необходимой дневной нормы и отправляют отдыхать. Примечательно, что в рабочие дни пернатые получают полный рацион, а в выходные – сокращенную порцию. Таким образом, поддерживается необходимый рабочий вес птиц. Кстати, в меню у них только сырое мясо – суточные цыплята, мыши и перепела, которые хранятся в замороженном виде, а перед кормлением – размораживаются и чистятся.

«Конечно, время меняется, и методы нашей работы тоже развиваются, – рассказывает сотрудник орнитологического подразделения Алексей В. – Появляется новая аппаратура – например, сейчас, перед занятиями мы надеваем на птицу трекер, позволяющий отслеживать ее местонахождение». По словам нашего собеседника, раньше бывали случаи, когда кого-то из ястребов подолгу искали после тренировки. Обычно далеко они не улетают, садятся на ближайшие деревья, но могут не-

Филин Бубо заступил на службу в 2022 году

Сейчас Астра в самом расцвете сил

подвижно просидеть там и сутки. При наличии трекера с помощью аппаратуры можно своими глазами увидеть точное место, где спряталась птица.

На сегодняшний день самый серьезный боец пернатого отряда – белый ястреб-тетеревятник Астра, в котором течет кровь северных ястребов. Основное отличие - он крупнее обычного ястреба-тетеревятника, сильнее и гораздо агрессивнее, поэтому для ворон особенно опасен. Появилась на свет Астра в одном из российских питомников, и уже три года несет службу на территории Кремля. Интересно, что среди

ее собратьев есть не только ястребы, привезенные из питомников, но и отловленные из дикой природы. Ястребы достаточно часто встречаются в средней полосе, и техника их отлова давно отработана. В качестве приманки часто используется голубь, на которого надет специальный жилет – в нем и запутывается ястреб при попытке атаковать. Основные требования для диких птиц – молодой возраст, ведь обучению поддаются лишь особи до года, и хорошее физическое состояние. Оба этих параметра определяют по глазам - у молодых ястребов они

Бубо - меньше и темнее своего собрата

светло-желтые и темнеют с возрастом. Кроме того, у здоровой птицы взгляд настороженный - присутствие человека вызывает у нее панику. А вот пустой, потухший взгляд – явный признак болезни. Если по обоим критериям все в порядке, птицу помещают в отдельный блок на месячный карантин. Ну а после уже включают в состав основного поголовья и начинают тренировки.

Усилия ястребов-тетеревятников по борьбе с воронами в Московском Кремле дополняют два филина. Для достижения нужных результатов им даже не приходится охотиться - страх и трепет на ворон они наводят прямо во время тренировки. «Филины выполняют у нас задачу биорепеллента, - поясняют орнитологи, - и их главная задача на занятиях – преодолеть по воздуху достаточно длинный маршрут. Выглядит это так: один сотрудник выпускает филина, а второй - уже ждет в конечной точке с угощением. Когда филин поднимается в воздух, вороны сразу понимают, что на территории живет огромный ночной хищник». Филин считается для них чрезвычайно опасным противником. Ведь помимо того, что он может напасть в темное время суток, когда вороны отдыхают, филин виртуозно охотится из засады, и к тому же обладает способностью летать абсолютно бесшумно. По этим причинам врановые никогда не остаются ночевать рядом с его местом обитания и, тем более, не создают там гнезд.

Сейчас в орнитологическом подразделении несут службу два представителя семейства совиных, которые отличаются друг от друга практически во всем. Первый филин по кличке Филя намного светлее и крупнее своего собрата. Он появился в пернатом отряде еще в 2011 году - родился в День космонавтики, 12 апреля, и уже через три недели оказался в Кремле. По воспоминаниям наших собеседников, в тот момент на нем еще не было перьев, и внешне филин даже не был похож на птицу – он представлял собой «маленький комочек, больше похожий на шотландского кота». Так что сотрудники подразделения, для которых, кстати, это был первый опыт взаимодействия с пернатыми данного вида, вырастили и воспитали Филю практически с рождения. С новым

Чтобы вселить страх в незваных гостей, филину достаточно подняться в воздух

филином ситуация другая: в Кремль его привезли в 2022 году, когда ему было уже больше трех месяцев – в этом возрасте филины уже умеют летать. Птица получила кличку Бубо по научному названию этого хищника на латыни, которое звучит как «Bubo bubo». Филин также родом из одного из российских питомников – отловить этих птиц в природе практически невозможно.

В отличие от спокойного и уравновешенного Филя, его напарник оказался птицей с характером. Процесс обучения с Бубо дается орнитологам гораздо сложнее, чем с его предшественником: он часто кусается, может не пойти к

сотруднику на перчатку или отказаться от еды, если ему что-то не понравилось. Старший и младший филины не пересекаются друг с другом - тренируются в разные смены и живут в противоположных концах соколиного городка. Между птицами есть лишь визуальный контакт, но никаких эмоций по отношению друг к другу они не проявляют.

Еще один представитель кремлевского отряда пернатых – сокол-сапсан Зевс. «Сокол – это одна из самых умных птиц из всех, которые у нас только были, - говорят представители орнитологического подразделения. - Очень спокойный, добродушный, всегда рад всех видеть. И если приходит новый сотрудник, он обучается правилам взаимодействия с хищными птицами именно на нем». Кроме того, Зевс – очень статный, с прекрасным экстерьером, поэтому ему было решеноверить представительские функции – присутствие на церемониях развода пеших и конных караулов Президентского полка. Но вот для борьбы с воронами, по словам орнитологов, Зевс не очень подходит. Во-первых, он - самец, а значит вес у него небольшой, всего 570 грамм. Поэтому справиться с незваными гостями ему физически сложно. Во-вторых, у соколов совсем иная тактика охоты, чем у тех же ястребов. Сокол поднимается очень высоко и затем на большой скорости, которая достигает до 300 км/ч, пикирует вниз. Но в условиях плотной городской застройки с высоты 250-300 метров, ко-

Немногие знают, что у Зевса - не только прекрасный экстерьер, но и выразительный взгляд

торую набирает сокол, он может просто не найти точку, куда должен вернуться.

На церемонию развода караулов Зевса выносит сотрудник орнитологического подразделения в церемониальной форме. Сокола к торжественному мероприятию тоже готовят: надевают парадный клобучок – специальную шапочку, закрывающую глаза. Прежде всего, это дань традициям. Известно, что в Средние века на территории Московского Кремля велась соколиная охота, и клобук, который закрывает глаза ловчей птицы – один из самых узнаваемых ее атрибутов. А также это дополнительная мера для безопасности посетителей Кремля, ведь во время фотографирования многие пытаются Зевса потрогать.

Увидеть перед церемонией развода караулов сокола можно практически в любую погоду. Не выносят его лишь в сильный дождь – промокшая птица выглядит не очень эстетично. В жаркие дни сотрудника с соколом сопровождает его коллега, который при необходимости освежает птицу из пульверизатора.

Сейчас Зевс – единственный из отряда пернатых, кто присутствует на церемониальных мероприятиях. Раньше на Соборной площади перед разводом караулов помимо сокола можно было заметить и ястребов. Позже от такой практики решили отказаться: все-таки ястребы по своей природе имеют достаточно неуравновешенный характер, а филины менее адаптированы для пребывания среди большого количества людей и устают от долгого нахождения в вертикальном положении на перчатке.

В настоящее время штат служебных птиц в Московском Кремле практически укомплектован. Тем не менее, сотрудники орнитологического подразделения продолжают и дальше развивать свое направление и, по их словам, допускают возможность «внутривидовых ротаций». Так что вполне возможно, в будущем в отряде пернатых появятся совершенно новые для Кремля хищные птицы, которые позволят еще более эффективно решать задачи по биологической защите сердца столицы.

Виктория Богомолова
Фото Александра Соловьева
и из архива ОСПО ФСО России

К 80-летию окончания Второй мировой войны

ФИНАЛЬНЫЙ АККОРД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

2 сентября 1945 года на американском линкоре «Миссури» был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии, завершивший как Вторую мировую, так и советско-японскую войну. В этот день к народу обратился руководитель СССР Иосиф Сталин. Были в его речи и такие слова: «Поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день на-

ступил. Сегодня Япония признала себя побежденной... Отныне мы можем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке».

Причины вступления СССР в войну против Японии в августе 1945 г. коренились в стремлении советской державы расширить возможности выхода своего флота в Тихий океан и устранить угрозу дальневосточным рубежам. Начиная с 1875 года, после передачи императором Александром II Курильской гряды Японии (в обмен на право владения Сахалином), цепь островов этого государства препятствовала прямому сообщению России

с основной акваторией Тихого океана. Ситуация лишь усугубилась после русско-японской войны (1904-1905), когда Российская империя по Портсмутскому миру уступила Стране восходящего солнца южную часть Сахалина.

Данная ситуация не устраивала ни царское, ни советское руководство. К примеру, в середине 1930-х адмирал И.С. Исаков на одной из встреч с И.В. Сталиным настойчиво убеждал вождя, что без возврата Южного Сахалина Советский Союз не сможет создать нормальный Тихоокеанский флот, поскольку тот все равно будет зажат, как в мышеловке. По воспоминаниям адмирала, Сталин, стремясь завершить раз-

Подписание акта о капитуляции Японии на борту американского линкора «Миссури». От СССР акт подписывает генерал-лейтенант К.Н. Деревянко

говор, коротко ответил: «Подождите, будет вам Южный Сахалин». Исаков принял тогда эти слова за шутку. Ведь в тот момент СССР такой возможности не имел.

Первая половина XX столетия в Азиатско-Тихоокеанском регионе проходила под знаком почти безнаказанной

японской экспансии. Среди ее объектов был и российский Дальний Восток. Портсмутский мир ненадолго снизил напряженность между двумя державами. Воспользовавшись ослаблением России в годы Гражданской войны (1918-1922), Страна восходящего солнца осуществила интервенцию на

Дальнем Востоке, направив туда крупный воинский контингент (св. 60 тыс. чел.). Лишь в 1925 году СССР добился вывода последних японских частей со своих земель на Северном Сахалине.

В начале 1930-х Япония захватила северо-восточную часть Китая, создав там свой протекторат – Маньчжурское государство. Так у советских границ появился крупный японский плацдарм. В 1936 году Токио заключил союз с нацистской Германией. Для Советского Союза это означало появление угрозы войны на два фронта. Пойдя на сотрудничество с Гитлером, Япония активизировала вооруженные провокации у дальневосточных рубежей СССР. В 1938 году ее крупная группировка вторглась на советскую территорию у озера Хасан (Приморье), но была отброшена. В следующем году вспыхнул более масштабный конфликт у границы союзницы СССР – Монголии, в районе реки Халхин-Гол. После ряда боев советско-монгольские войска во главе с комкором Г. К. Жуковым разгромили 6-ю японскую армию. Потерпев здесь первое жестокое поражение во Второй мировой войне, Япония прекратила натиск на Север и нацелила силы на завоевание Юго-Восточной Азии. Там ее главными соперниками стали США и Великобритания.

Планируя экспансию в южном направлении, Токио нуждался в вмешательстве Москвы. 13 апреля 1941 г. СССР и Япония заключили Пакт о нейтралитете. Он был рассчитан на 5 лет с возможностью продления, если одна из сторон не объявит за год до истечения срока действия договора о намерении его денонсировать.

Тем не менее, в японском руководстве не отказались от планов захвата советских земель. Пакт о нейтралитете не просуществовал и трех месяцев, как 26 июня 1941 г. министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока призвал власти своей страны открыто присоединиться к гитлеровской агрессии против СССР. «Когда Германия победит и завладеет Советским Союзом, мы не сможем воспользоваться плодами победы, ничего не сделав для нее. Мы должны либо пролить кровь, либо прибегнуть к дипломатии. Лучше пролить кровь... Неужели мы не вступим в войну, ког-

Обращение И.В. Сталина к народу 2 сентября 1945 г. Газета «Правда» 03.09.1945 г.

Красноармеец водружает флаг на сопке Ремизова у реки Халхин-Гол. 1939 г.

да войска противника в Сибири будут переброшены на Запад?», - заявил этот видный дипломатический деятель.

Однако японские военные заняли более взвешенную позицию. В тот момент они остро нуждались в захвате нефтяных ресурсов Юго-Восточной Азии. Схватка же с северным соседом гарантировала крупные издержки, но не сулила быстрых дивидендов. Поэтому призывы Берлина к своему союзнику атаковать советские рубежи не получили поддержки в Токио. Там предпочли «стратегию спелой хурмы». Она предполагала следить за событиями и дожидаться победы Третьего рейха.

Нападение на СССР предусматрива-

лось в случае взятия немцами Москвы и резкого ослабления советских сил на Дальнем Востоке. Под такой сценарий был разработан план вторжения «Кантокуэн». Для его реализации началось наращивание войск в Маньчжурии и Корее. Опасность агрессии на Дальнем Востоке вынуждала СССР держать там немалые силы, что способствовало успехам немцев на советско-германском фронте.

Победа Красной Армии под Москвой и начало войны Японии с США заставили Токио проявлять сдержанность на северных рубежах. С другой стороны, американско-японский конфликт, в котором против Соединенных

Штатов выступила и Германия, дал повод союзникам СССР по антигитлеровской коалиции зондировать почву относительно его участия в борьбе с Японией. В ответ Москва выразила приверженность нейтралитету и нежелание в период тяжелой войны с гитлеровским блоком сражаться на два фронта.

В 1942 году Берлин продолжил побуждать Токио напасть на Советский Союз. Такую возможность японцы не отвергали, связывая ее с успехом летней кампании вермахта. Но их поражение у атолла Мидуэй и разгром немцев под Сталинградом окончательно парализовали подобные замыслы. После Курской битвы в Токио впервые составили оборонительный план войны на севере.

Теперь Страна восходящего солнца стала рассматривать варианты уступок СССР за его нейтралитет. Но Москва имела уже иные цели. У нее появлялась уникальная возможность устранить Японию в качестве источника военной опасности и решить свои геополитические проблемы в дальневосточном регионе.

5 апреля 1945 г. СССР заявил о денонсации советско-японского Пакта о нейтралитете. Текст заявления гласил: «Пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией был заключен 13 апреля 1941 г., т. е. до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и Соединенными Штатами Америки, с другой. С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление его стало невозможным. В силу сказанного выше и в соответствии со статьей 3 упомянутого пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия пакта, Советское правительство настоящим заявляет Правительству Японии о своем желании денонсировать Пакт от 13 апреля 1941 года».

Данный акт вызвал политический кризис в Токио, где кабинет приверженца войны - премьер-министра

Сталин ведет переговоры с президентом США Ф. Рузвельтом во время Ялтинской конференции. Февраль 1945 г.

К. Койсо ушел в отставку. Его сменило правительство К. Судзуки - сторонника мирных переговоров. Но требование союзников о капитуляции оставалось для Японии неприемлемым.

После сокрушения нацистской Германии СССР получил возможность поддержать военные усилия союзников на Дальнем Востоке. Тем более, те сами добивались такой помощи. Вот что писала в апреле 1945 г. лондонская «Дейли Мейл»: «включение России в кампанию на Востоке... полностью изменит стратегическую картину, которая в настоящее время грозит нам значительными потерями». К примеру, по расчетам американцев для десантной операции на Японских островах потребовалось бы 5-7 млн. чел. При таком сценарии война могла продлиться до конца 1946 года, а потери вооруженных сил США превысили бы 1 млн. чел. Наиболее зловещие цифры содержались в исследовании, подготовленном для военного министра Соединенных Штатов Г. Стимсона. Оно оценивало потери в диапазоне от 1,7 до 4 млн. чел., включая от 400 до 800 тыс. погибших.

Подобные выводы строились на реальных фактах, которые свидетельствовали об ужесточении сопротивления на территории Японии. Так, только в боях за первые ее два небольших острова - Иводзиму и Окинаву американцы поте-

рили 100 тыс. чел., десятки кораблей, около 400 танков и почти 1 тыс. самолетов. Это был их самый крупный урон в ходе одной тихоокеанской операции. Помимо метрополии, еще одна мощная японская группировка находилась в Китае. Для ее разгрома требовалась отдельная масштабная кампания, также чреватая затратами огромных ресурсов.

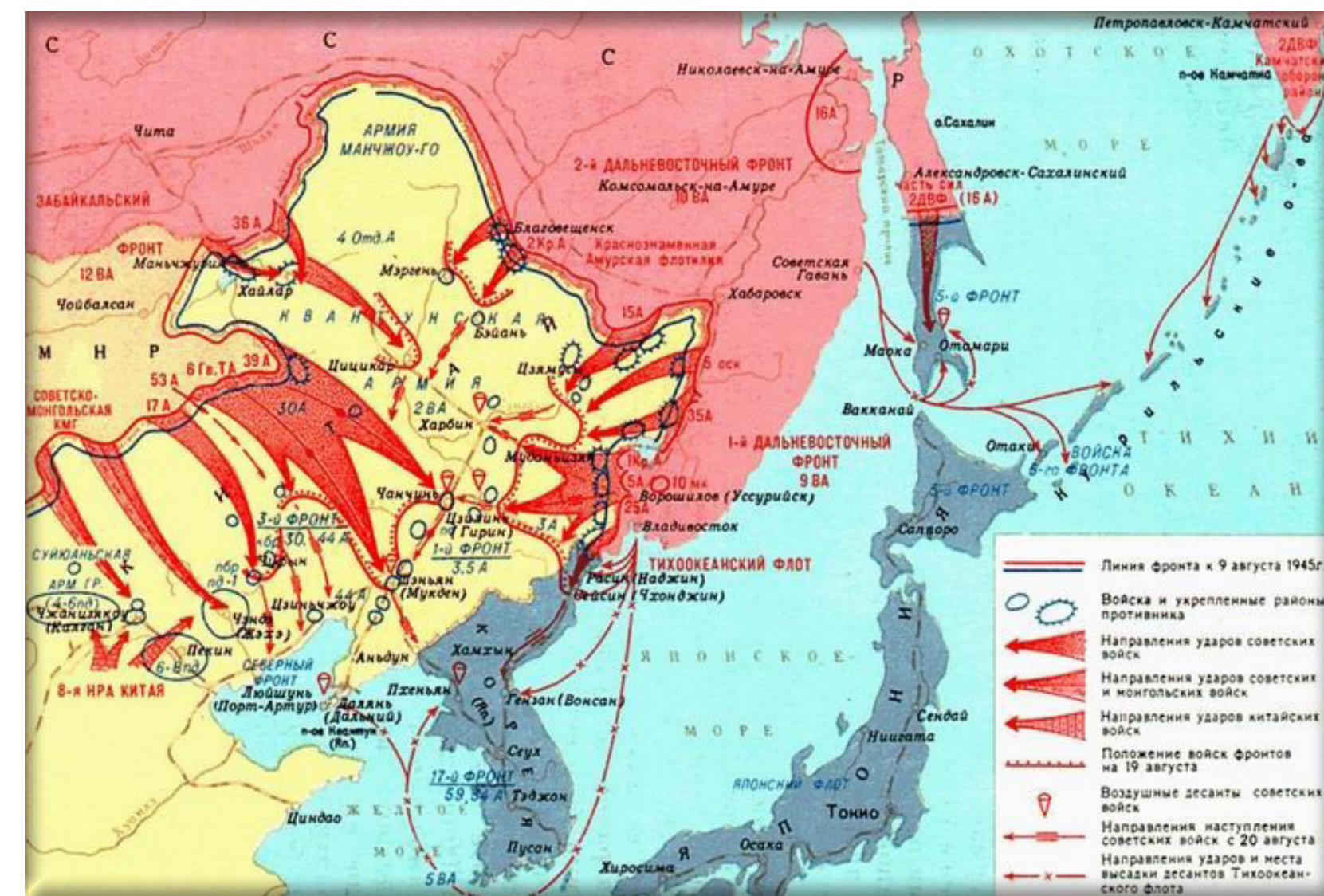
Китайский фронт приобретал особое значение и по экономической причине. К примеру, в Маньчжурии размещалась половина военной промышленности

Японии, имелись немалые запасы стратегического сырья. Данный район не затронули боевые действия, и он имел тесную связь с метрополией. Единственной реальной силой, способной провести здесь полноценную сухопутную кампанию, был Советский Союз.

Поэтому стремление Вашингтона получить военную поддержку Москвы в Азиатско-Тихоокеанском регионе было обусловлено тяжестью проблем, которые угрожали Соединенным Штатам при продолжении конфликта в этой части мира. Насущная потребность США в могущественном советском союзнике на Дальнем Востоке служила важным фактором тогдашних взаимоотношений двух держав. Именно она во многом определяла некоторую уступчивость американского руководства по отношению к СССР на заключительном этапе войны в Европе и нежелание Вашингтона обострять в тот момент отношения с Москвой.

На Ялтинской конференции в феврале 1945 г. Сталин обещал вступить в войну с Японией спустя 2-3 месяца после капитуляции Германии. Данное обязательство было согласовано на следующих основных условиях - возвращение Южного Сахалина и передача СССР Курильских островов.

В мае 1945-го по Транссибирской магистрали на решающую битву с Японией двинулись эшелоны с техникой и во-

Советско-японская война 1945 г.

О денонсации советско-японского Пакта о нейтралитете

5 апреля в 3 часа дня Народный Комиссар Иностранных Дел СССР В. М. Молотов принял японского Посла г-на Н. Сато и от имени Советского Правительства сделал ему следующее заявление:

«Пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией был заключен 13 апреля 1941 года, т. е. до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и Соединенными Штатами Америки, с другой. С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, кото-

рые являются союзниками Советского Союза. При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным.

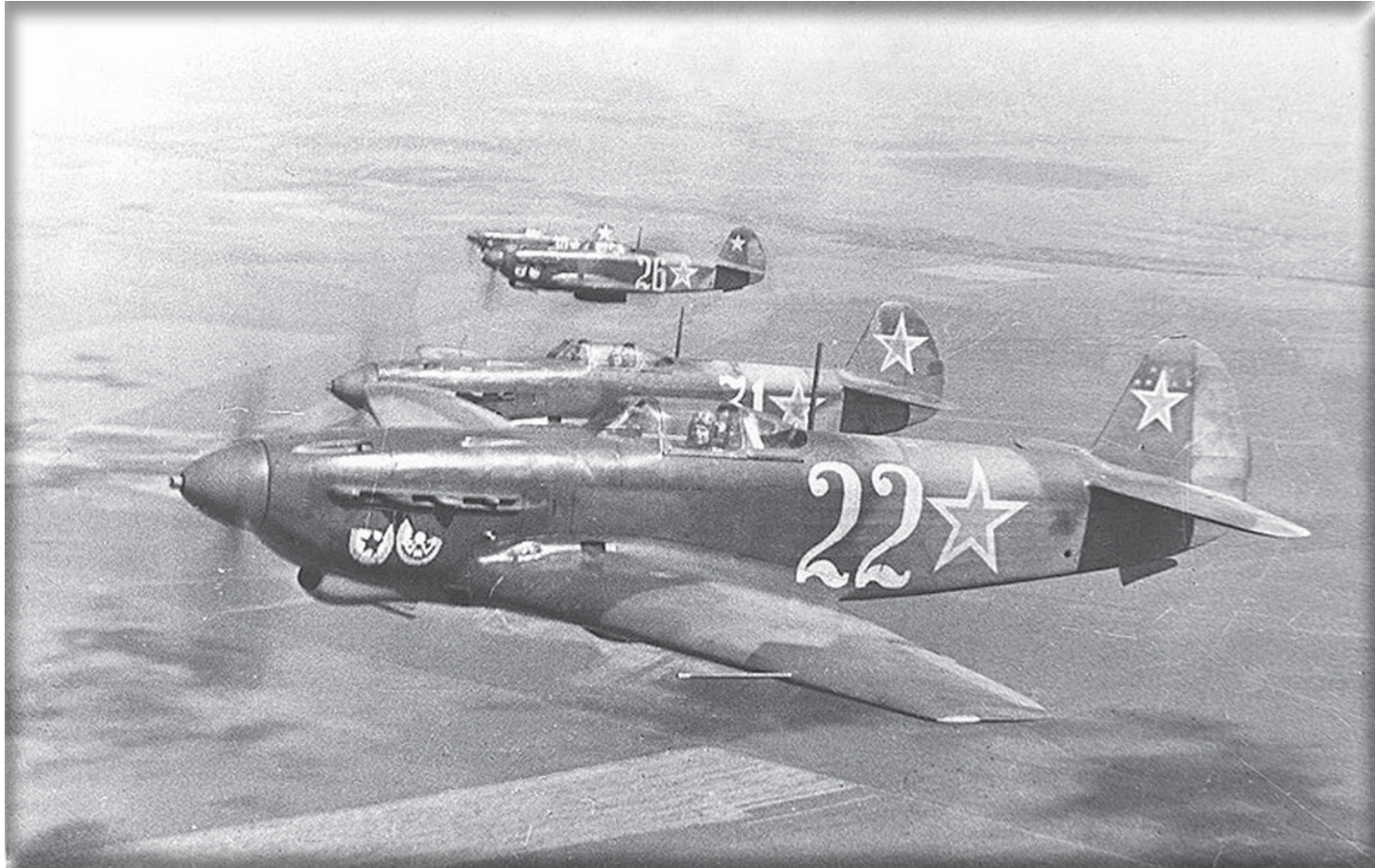
В силу сказанного выше и в соответствии со статьей 3-ей упомянутого Пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия Пакта, Советское Правительство настоящим заявляет Правительству Японии о своем желании денонсировать Пакт от 13 апреля 1941 года».

Посол Японии г-н Н. Сато обещал довести до сведения Японского Правительства заявление Советского Правительства.

«О денонсации советско-японского Пакта о нейтралитете». Газета «Правда» от 6 апреля 1945 г.

Маршал Кирилл Мерецков, маршал Родион Малиновский, маршал Александр Василевский на аэродроме в Дайрене. 1945 г.

Авиация наносит удары по японским военным объектам

«Переход советских войск через Хинган». Картина Ф. Усыпенко. 1945 г.

инами, победившими вермахт. С мая по август на Дальний Восток прибыли свыше 400 тысяч закаленных в боях ветеранов, которые не шли ни в какое сравнение с призванными из запаса в ходе русско-японского конфликта 1904-1905 гг. Быстрая переброска на тысячи километров такой грозной группировки, имевшей отличное оснащение, опыт современной войны и высокий дух победителей, обеспечила СССР молниеносную победу.

Как вспоминал брат моей бабушки, который летом 1945-го занимался доставкой партии самолетов с Казанского авиазавода на Дальний Восток (для 10-й воздушной армии), Транссибирская магистраль была тогда переполнена войсками и техникой. По его словам, никогда еще он не получал такого яркого представления о масштабах русской мощи. В эшелонах находились, в основном, части, следовавшие из Восточной Пруссии. Три месяца назад они сокрушили «оплот прусского милитаризма», а теперь ехали померяться силами с японской армией.

Главный удар планировалось нанести в Маньчжурии, где находилась основная группировка — Квантунская армия во главе с генералом Ямада Отодзо. Она опиралась на хорошо оборудованные укрепления протяженностью 1 тыс. км. По мнению маршала К.А. Мерецкова, они напоминали финскую «линию Маннергейма». Театр военных действий существенно отличался от европейского. По протяженности маньчжурский фронт превосходил советско-германский. В то же время сеть железных и шоссейных дорог здесь была гораздо слабее. На пути наступающих природа раскинула целый веер разнообразных препятствий — поросшие лесом и кустарником горы, реки, топи, солончаки, пустыни и степи.

У границ с Маньчжурией (в Приморье, Приамурье, Забайкалье и Монголии), сосредоточилось три фронта: Забайкальский (маршал Р.Я. Малиновский), 1-й Дальневосточный (маршал К.А. Мерецков) и 2-й Дальневосточный (генерал армии М.А. Пуркаев), а также советско-монгольская конно-механизированная группа (генерал-лейтенант И.А. Плиев). Общее руководство осуществлял маршал А.М. Василевский.

Соотношение сил
в Маньчжурской операции 1945 г.

	Советские войска	Японские и маньчжурские войска
Личный состав (тыс. чел.)	св. 1500	1320
Орудия, минометы	25000	6260
Танки и САУ	5460	1150
Самолеты	5000	1900

Маньчжурская операция началась 9 августа после объявления СССР войны Японии. Командование Квантунской армии не ожидало столь быстрого развертывания против нее таких огромных сил. К примеру, ее разведка утверждала, что Красная Армия сможет начать наступление не ранее середины осени 1945 г. В результате советские войска достигли тактической внезапности.

Фронты наносили удары по сходящимся направлениям с востока, севера и запада, стремясь окружить квантунскую группировку. Наиболее быстрым продвижением отличились части Забайкальского фронта, которые по-сусоворовски решительно, стремительно и неожиданно для японцев перевалили со всей техникой через горы Большого Хингана. На острие удара находилась 6-я гвардейская танковая армия генерал-полковника А.Г. Кравченко. Она наступала из района знаменитого Халхин-Гола в обход главной линии обороны квантунской группировки. За 10 дней выдающегося марш-броска гвардейцы Кравченко продвинулись на 700 км до Мукдена, преодолели безводную степь, затем — хинганские кручи и, выйдя на равнину в тыл Квантунской армии, завершили охват ее основных сил.

Подобная скорость наступления была удивительна, учитывая сложный рельеф местности. «Бойцам приходилось втаскивать на горы не только свою амуницию и оружие — пришлось тащить пушки, подталкивать машины. Труден был подъем, но еще труднее оказался спуск. Каждая пушка тянула книзу, грозила сорваться в пропасть или в горный

Красная Армия на пути к Порт-Артуру. 1945 г.

Моряки Тихоокеанского флота водружают военно-морской флаг СССР над Порт-Артуром. 22 августа 1945 г.

Солдаты Квантунской армии сдают оружие. 1945 г.

Китайское население приветствует советских танкистов в Далине

Русские жительницы Харбина встречают солдат Красной Армии

Парад Победы в Харбине 16 сентября 1945 года. Рядом с трибуной можно заметить непривычных для советского военного парада гостей - представителей русского православного духовенства

поток. Тысячи бойцов спускали орудия на канатах. В горах бушевали проливные дожди. Негде было согреться и обсушиться. В долинах войска попадали в топкие трясины», — вспоминал участник похода корреспондент Николай Богданов. Тем временем части 1-го Дальневосточного фронта после упорных боев прорвали Муданьцзянский укрепрайон и вышли на подступы к Харбину.

Вступление в войну СССР блокировало Японию уже со всех сторон. Данное известие (а не атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, которые не нанесли никакого прямого ущерба японским вооруженным силам) вызвало там экстренный созыв Высшего Совета по руководству войной. Он высказался за прекращения сопротивления. И все же верховное руководство колебалось. Только когда опора милитаристов - Квантунская армия в считанные дни потерпела сокрушительное поражение на сопках Маньчжурии, император 15 августа выступил по радио и заявил о капитуляции. Тем самым быстрый военный успех СССР сберег от гибели в огне войны сотни тысяч жизней, в том числе и японских.

19 августа Я. Отодзо подписал акт о капитуляции Квантунской армии, основная часть которой уже находилась в окружении. Для ускорения ее сдачи в Маньчжурии, Северной Корее и на Ляодунском полуострове были оперативно высажены советские воздушные десанты. Один из них 22 августа занял знаменитый Порт-Артур, опередив, кстати, американцев, которые согласно директиве президента США Г. Трумэна должны были захватить эту базу, «прежде чем туда вступят русские». После пленения японского гарнизона десантники первым делом возложили венки на могилы российских воинов — участников героической обороны Порт-Артура (1904). Интересно, что десанту в Харбине активную помощь оказали местные русские эмигранты. Там части Красной Армии встретил колокольный звон всех городских православных храмов.

Такого стремительного, масштабного и эффективного блицкрига мир еще не знал. Протяженность фронта в Маньчжурской операции составила 4,6 тыс. км, глубина продвижения - 200-820 км. По скорости проведения и тер-

Монумент советским войнам-освободителям в Далине

риториальному размаху эта молниеносная сухопутная кампания не имеет равных в истории Второй мировой войны.

Одновременно с Маньчжурской проведены еще три операции: Южно-Сахалинская, Сейсинская, Ку-

рильская, в ходе которых советские войска заняли Южный Сахалин, Курилы и северные районы Кореи. Судьба японских военнопленных была решена 23 августа 1945 г. на заседании ГКО СССР. «Они достаточно похозяйничали на советском Дальнем Востоке в годы Гражданской войны, — заявил тогда Сталин, — Пора отдавать долги. Вот они их и отдадут». Следом вышло постановление ГКО № 9898сс «О приеме, размещении и трудовой повинности военнопленных японской армии». На такое решение также вероятно повлияли: необходимость послевоенного восстановления СССР, дефицит рабочей силы на востоке страны и учет значения японских военнослужащих в случае советско-американского противостояния.

Это была уникальная война в российской истории, когда за столь сжатый срок (меньше месяца) были достигнуты такие внушительные геополитические результаты. Советский Союз вернул Южный Сахалин, а также получил Курильские острова. В результате, страна обрела свободный выход из Охотского моря в океан, а также надежное сообщение между Охотским и Японским морями. Все это кардинально улучшило по-

ложение ее дальневосточных рубежей.

Стремительный успех Красной Армии сыграл также огромную роль в дальнейшей судьбе Восточной Азии. В частности, он не позволил США занять господствующее положение в данном регионе. Ближайшим результатом новой ситуации в этой части мира стала утрата Америкой влияния в Китае. Поддержка СССР помогла местным коммунистам во главе с Мао Цзэдуном создать Китайскую Народную Республику. С ней Советский Союз заключил в 1950 году Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Так появился могущественный советско-китайский континентальный блок, изменивший расклад сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Своей победой во Второй мировой войне Советский Союз полностью рассчитался за поражения России в 1904-1905 и 1914-1918 годах. За пять лет он сокрушил германскую и японскую милитаристские системы, которые в первой половине XX столетия не раз угрожали жизни народов Европы и Азии.

Плакат «Слава Красной Армии — освободительнице!». Художник Л. Голованов. 1945 г.

Николай Шефов

СТАЛИНСКАЯ ДАЧА «ЗУБАЛОВО»

Усадьба Большая Калчуга. (Зубалово). 1900-е гг.

В полукилометре от села Усово, на высоком правом берегу реки Медвенки, в километре от ее впадения в Москву-реку, находится деревня Калчуга (в разные времена – Пустошь, Петрушкино, Колчуга), возникшая на месте выселок из села Усово. Деревня, судя по всему, получила свое название по имени протекавшей тут некогда речки Кольчуги и название ее происходит от слова «колчи» – кочка, кочковатое болото, бугристая поверхность. Деревня известна по документам с начала XIX века как выселки деревни Усово, и первоначально принадлежала сёстрам Вельяминовым. По ревизской сказке в то время там проживало 32 души мужского и 36 женского пола податного сословия (крестьян).

Участок, где позже возникла усадьба Зубалово, находящаяся в деревне Калчуга, в исторических документах известен с 1806 года, когда владелец деревни Усово гвардии капитан Дмитрий Михайлович Лассенгефнер продал его графу Николаю Ивановичу Салтыкову. В 1852 году здесь было две усадьбы: первая – коллежского ассесора Абрама Петровича Хвоцинского (22 человека крепостных), и вторая – Анны Дмитриевны Зандгален, построившей в усадьбе химический завод, выпускавший глауберову соль и селитру. В 1857 году она продала 8 десятин здешней земли крестьянам Щавелеву из Барвихи и Кондратьеву из Луцкого (их потомки живут и сейчас в Барвихе и Жуковке). В давние времена в Кал-

чуге Кондратьев и Щавелев пытались развить начатое семейством Зандгален производство минеральных удобрений, но в итоге они разорились. В 1892 году они были вынуждены продать свою землю, прилегающую к деревне Калчуга, бакинскому инженеру и нефтепромышленнику-миллионеру Льву (Левану) Константиновичу Зубалову (Зубалашвили). Именно он, здесь, на высоком холме, по обе стороны живописного урочища реки Медвенки, в конце 1890-х – начале 1900-х годов построил четыре дома – для себя, отца, брата и дяди. Проектировали их в псевдоготическом стиле архитекторы Н.Н. Чернецов и П.С. Бойцов. В этом же стиле были выдержаны и хозяйственные постройки. Усадь-

Зубалов Лев Константинович

бы в Калчуге были обнесены высокой краснокирпичной оградой. Зубаловы хорошо знали окрестности Барвихи. Именно здесь проживали их родственники Майендорфы и Трапезниковы. В 1890-х годах на паях с Майендорфами Лев Зубалов владел лесопилкой в селе Усово. Тогда же многочисленное семейство Зубаловых стало прихожанами усовской Спасской церкви и щедро ей помогали. (Архивные материалы по истории деревни Калчуга и имения Льва Зубалова хранятся в Российском государственном архиве древних актов).

В начале XX века современное Краснотское шоссе в местной традиции неофициально называлось Зубаловским. Местные старожилы рассказывали, что еще до революции его проложили меценаты Зубаловы, состоявшие в родстве с баронами Мейендорфами из Барвихи. Князь Кирилл Голицын в своих записках, изданных в 1997 году, пишет о Зубалово: «Увидел я загородное владение миллионера-нефтяника издали в 1923 году. Случилось это так. Примерно через месяц после смерти моей матери, в июне 1923 года, нас с отцом потянуло к родным в Москву, так как в Петрограде никого из близких уже не осталось. В Москве никого не застали – Голицыны были на даче, которую сняли в селе Знаменском, расположенном на правом берегу Москва-реки напротив родового голицынского Петровского. Железнодорожная станция Усово помещалась тогда в старом товарном вагоне без колес, одиноко стоявшем возле путей.

Там перед отправлением поезда продавались билеты. А приехавшему в Знаменское предстояло от Усова прогулка пешком – около трех километров. Однако здесь, между станцией Усово и Знаменским, с дореволюционных времен стояла усадьба Зубалова, которую он укрепил не хуже, а может быть, и лучше своего московского дома. И эти укрепления сыграли свою роль в истории владения. Именно благодаря мощной стене, железным воротам и «персональной» железной дороге «Зубалово» в советское время стало одной из первых «высоких резиденций».

После Октябрьской революции усадьба стояла без использования, затем стала домом отдыха для сотрудников ВЦИК РСФСР, ЦИК, Совета народных комиссаров РСФСР. В начале 1922 года в Большую Калчугу впервые приехал на отдых с женой и сыном Ф.Э. Дзержинский. Дзержинскому место понравилось и до конца жизни (1926 год) он постоянно проживал именно здесь. Тогда же по его инициативе в полутора километрах от имения был создан образцовый совхоз ОГПУ «Горки-2» для снабжения госдач и госаппарата сельскохозяйственными продуктами.

К этому времени, то есть к началу 20-х годов прошлого века сюда, в Зубалово и его окрестности переместились

на летний отдых, а после и на постоянное жительство И.В. Сталин с семьей (объект Зубалово-4), Л.Д. Каменев (Знаменское), Ф.Э. Дзержинский, а с 1926 по 1965 год – А.И. Микоян (Большая Калчуга), Н.И. Бухарин, К.Е. Ворошилов (Малая Калчуга) и другие руководители советского государства. И.В. Сталин переехал отсюда лишь в начале 1930-х годов на кунцевскую дачу после самоубийства его жены Надежды Аллилуевой. Объект Зубалово-3 до 1922 года оставался незаселенным. В том же году его стали готовить для проживания председателя Совета народных комиссаров РСФСР В.И. Ленина.

В связи с этим стоит процитировать малоизвестное письмо В.И. Ленина И.В. Сталину, написанное в мае 1922 года. В нем имелась следующая приписка: «В «Зубалово», где устроили дачи Вам, Каменеву и Дзержинскому, а рядом устроит мне дачу к осени, надо добиться починки жел. ветки к осени и полной регулярности движения автодрезин. Тогда возможно быстрое и конспиративное сношение круглый год». Особенное впечатление производит пассаж о «конспиративном сношении», учитывая, что шел пятый год существования советской власти и гражданская война вполне успешно была для большевиков завершена.

В связи с резким ухудшением здо-

Ф.Э. Дзержинский и И.В. Сталин на даче в Зубалово. Лето 1924 г.

Въезд на объект Калчуга. (Зубалово-2)

ровья В.И. Ленина осенью 1922 года решение о его переезде в Зубалово было отменено и он остается на госдаче в Горках.

В книге «Двадцать писем к другу» Светлана Аллилуева вспоминает: «Солнечный дом, в котором прошло мое детство, принадлежал раньше младшему Зубалову, нефтепромышленнику из Батума. Анастас Микоян с семьей и детьми, Ворошилов и несколько семей старых большевиков разместились в Зуба-

лове-2, а отец с мамой – в Зубалове-4, неподалеку, где дом был меньше. Осенью 1941 года было взорвано наше дорое Зубалово, так как ждали, что вот-вот подойдут немцы. Мы поселились во флигеле». Это было сказано об объекте «Зубалово-4». А «Зубалово-2» (Большая Калчуга), где жил Микоян с семьей летом 1963 года, ещё сохранялось.

В 1966 году на объекте был проведен ремонт. После этого в Большой Калчуге поселяется вновь избранный Пред-

седатель президиума Верховного Совета СССР (1965 – 1977 годы), член Политбюро ЦК КПСС Н.В. Подгорный.

В 1977 – 1986 годах в Большой Калчуге проживал В.В. Кузнецов кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. Первый заместитель Председателя Президиума ВС СССР с 1977 по 1986.

В 1987 – 1991 годах в Большой Калчуге проживал А.Н. Яковлев – секретарь ЦК КПСС (1986 – 1990), член Политбюро ЦК КПСС (1987 – 1990), Старший советник Президента СССР (1991), Государственный советник по особым поручениям и член Политического консультативного совета при Президенте СССР (1991).

В Малой Калчуге в 1921 – 1925 годах проживал кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) (1919 – 1924), член Политбюро ЦК ВКП(б) (1924 – 1929) Н.И. Бухарин.

В Малой Калчуге в 1925 – 1960 годах проживал Народный комиссар по военным и морским делам СССР, Народный комиссар обороны СССР, заместитель председателя Совета народных комиссаров СССР, член Президиума ЦК КПСС 1926 – 1960 годах (до 1952 года – Политбюро ЦК КПСС) К.Е. Ворошилов и его семья. За Ворошиловым в тот период была закреплена еще одна государственная дача по линии Народного комиссариата обороны СССР.

Данных по дальнейшему использованию зданий Большой и Малой Калчуги для проживания высших руководителей Советского государства и коммунистической партии не имеется.

Поиск в двух подмосковных архивах Московской области: «Центральный государственный архив Московской области» и «Московский областной архивный центр» показал, что материалы по объектам Большая и Малая Калчуга (Зубалово) Одинцовского района Московской области в профильных фондах не выявлены.

Архивные материалы по организации охранных мероприятий на вышеуказанных объектах находятся на постоянном хранении в Центральном архиве ФСБ России.

Сергей Девятков

Объект «Малая Калчуга». Фотография 1920-х гг.

НАГРАДНЫЕ МЕДАЛИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Наградная система Российской империи и государственная охрана (продолжение)

Карл Рехлин. Атака лейб-казаков под Лейпцигом 4 октября 1813 года. 1845 г.

В первой четверти XIX века Российская императорская гвардия продолжила свое развитие. В период правления императора Александра I создаются новые гвардейские подразделения. 3 апреля 1812 года был сформирован Гвардейский корпус. С 1813 года гвардия начала делиться на Старую и Молодую.

Император Александр I за время своего правления часто и подолгу находился в расположении действующей армии и принимал участие в ряде сражений. Это обстоятельство

налагало дополнительные обязанности по обеспечению личной безопасности монарха для чинов Свиты Его Императорского Величества и Лейб-гвардейских подразделений. При Александре I в наградных медалях стала определенным образом проявляться стандартность, по сравнению с разнообразием внешнего вида и форм медалей екатерининской эпохи. В это время практически прекратился выпуск необычных медалей: ромбических, квадратных, восьмиугольных. Единственное исключение составила

медаль «За путешествие кругом света» 1806 года, которая по своей восьмиугольной форме и размерам была схожа с медалью «В память заключения мира со Швецией» 1791 года. Напрочь исчезла прежняя, часто используемая, овальная форма. Утратилось разнообразие в размерах. На лицевых сторонах медалей портрет императора чаще всего стал урезаться по плечи, а то и по самую шею. По этой причине сократилось число медалей с изображением императора в торжественных царских облачениях и с атрибутикой в виде лав-

рового венка на голове, императорской короной и т.д. На всех медалях с изображением императора его портрета располагался разворотом вправо – на восток. Сохранилась традиционная круговая надпись легенды вокруг портрета царя, принятая еще издревле на монетах.

Российские медали того периода времени собственных лент не имели. Их носили на лентах одного из орденов. Практика ношения медалей на комбинированной ленте, чаще всего включавшей ленты двух орденов, только начала зарождаться. Одна и та же медаль могла носиться на разных лентах, обозначавших разное участие награжденного в кампании или разный статус награжденного. Шейные медали носились на широкой ленте. Медали меньших размеров носились на узкой ленте продетой в петлицу мундира, а позже – на груди, левее орденских знаков, причем располагались не по значимости, как ордена, а в порядке награждения, кроме георгиевских знаков.

Награждение медалью освобождало от телесных наказаний и давало ряд льгот, но в то же время, если она жаловалась не за военные заслуги, за нее, как и за орден, приходилось платить. Эти немалые деньги предназначались на помощь увечным воинам.

После смерти кавалера, награжденного медалями, во избежание соблазна торговли наградами, знаки отличия должны были «препровождаться местным полицейским управлением к подлежащему Губернскому Воинскому Начальнику» для последующей их сдачи на переплавку.

15 сентября 1801 года в Успенском

соборе Московского Кремля прошла торжественная церемония коронации императора Александра I. Для коронационных торжеств 10 июня 1801 года высочайшим повелением были учреждены специальные медали.

На лицевой стороне медалей было нанесено, отличное для каждой из медалей, поплечное изображение молодого императора Александра I. По окружности портрета на аверсах обеих медалей была выгравирована надпись: «Б.М. АЛЕКСАНДРЪ I. ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОСС».

В верхней половине поля оборотной стороны первой медали в нескольких вариациях располагалась надпись: «ЗА СЛУЖЕНИЕ ВО ВРЕМЯ КОРОНАЦИИ 1801 СЕНТЯБРЯ В (место для чеканки даты) ДЕНЬ».

На Санкт-Петербургском монетном дворе было отчеканено 96 золотых и 200 серебряных медалей «За служение во время коронации». Часть из медалей предназначалась к ношению. Золотые медали носились на Андреевской ленте, а серебряные – на Александровской ленте.

Этой медалью были удостоены нежеловалась не за военные заслуги, за нее, как и за орден, приходилось платить. Эти немалые деньги предназначались на помощь увечным воинам.

Вторая медаль, учрежденная в память о коронации Александра I, отличалась вариантом поплечного изображения молодого императора Александра I на лицевой стороне. Центральная часть оборотной стороны медали включала в себя эмблему Правосудия: на четырехугольном пьедестале стояла колонна с

надписью «Закон», колонна была увенчана императорской короной. В верхней части по окружности проходила рельефная надпись: «ЗАЛОГЪ БЛАЖЕНСТВА ВСѢХЪ И КАЖДОГО». В нижней части медали под обрезом шла надпись в 2 строки: «КОРОНОВАНЪ ВЪ МОСКВѢ / СЕНТ 15 Д. 1801». Медаль носилась на широкой Андреевской ленте.

В правление Александра I приобрели популярность гражданские (штатские) медали. Правительство стремилось всяческим образом поощрять своих подданных к разным видам плодотворной деятельности на благо развития и процветания общества, его благосостояния, промышленного и сельскохозяйственного производства, торговли, усиления обороноспособности страны. Наградная система в этом отношении играла значимую роль.

По сравнению с XVIII веком заметно возросло разнообразие гражданских медалей. От предыдущего времени была унаследована традиция вручения именных медалей. Примером подобных наград могут служить такие медали как: «За благотворение к наукам Павлу Григорьевичу Демидову» 1803 года, «Коллежскому асессору и 1-ой гильдии купцу Шапочникову за искупление пленных сородичей» 1803 года, «За полезное мулле Асан Даут Аджиеву» 1805 года, «За верноподданническое усердие султану Газы сыну султана Букея» 1805 года, «В знак признательности Фридриху Борну» 1806 года.

В перечень наград за определенные заслуги и достижения в том или ином виде деятельности вошли медали: «За полезное» 1801 года за высокие достижения в области пчеловодства; «За полезное изобретение» 1809 года, «За успехи в шелководстве» 1811 года.

Ряд медалей был посвящен географическим экспедициям, либо использовался в ходе их проведения: медаль 1802 года участникам Кавказской экспедиции графа А.А. Мусина-Пушкина 1799 года, медаль 1806 года «За путешествие кругом света» членам экипажей шлюпов «Надежда» и «Нева» экспедиции И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского, медали антарктической экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева 1819-1821 годов, медали

Медаль «За путешествие вокруг света 1803—1806». Учреждена в 1806 г.

арктической экспедиции М.Н. Васильева и Г.С. Шишмарева 1819-1822 годов.

Отдельно нужно отметить группу медалей, которых удостоивались за проявление особых гражданских доблестей: «За спасение сограждан» 1807 года, «За спасение погибавших» 1809 года, «За спасение человечества» 1818 года, «За спасение ближних на море» 1819 года.

В это же время появились гражданские наградные медали общего назначения, которые отмечали самые разные заслуги перед царем и Отечеством, поощряли развитие промышленности, сельского хозяйства, гражданских учреждений и гражданских доблестей. Ус-

ловно их можно назвать «общими». Эти награды носили массовый характер. К общим можно отнести следующие медали: «За усердную службу» 1801 года, «За полезное» 1801 года, «За усердие» 1801 года, «За безкорыстие и усердие на пользу казенную» 1805 года, «За усердие и пользу» 1810 года, «За усердие и труды», «За отличное усердие» 1810 года, «За службу» 1811 года, «1812 года», «За любовь к Отечеству» 1812 года.

К отдельной группе общих медалей относились награды, которыми удостоивались начальствующие лица и рядовые представители народностей Российской империи за их доблесть, верное служение и полезную деятель-

ность во благо государства. Данные медали чаще всего предназначались для награждения офицеров казачьих войск, а также представителей горских народов Кавказа, балканских славян за особые заслуги, оказанные российскому правительству, и проявленную отвагу против общего неприятеля.

Среди этих наград значились следующие медали: «За верность и усердие» 1802 года, «За верную службу» 1803 года, «За храбрость и усердие», «За храбрость, оказанную в сражении с персианами...» 1804 года, «За отличие в сражении с кабардинцами» 1805 года, «Союзные России» 1806 года, «За храбрость», «За усердие и верность», «За любовь веры и отечества» 1807 года, «За храбрость», «За усердие и мужество», «За честное и усердное исполнение должности» 1810 года, «За ревность и усердие к Российской империи», «За труды», «За усердие и храбрость», «За труды и усердие», «За верность» 1811 года, «За полезное 1812 года», «За заслуги 1813 года», «1813 года», «1814 года», «За отличие», «Владетелю Сандвичевых островов» 1816 года, «За верность и храбрость» 1819 года.

Штатские медали вручались лицам разной сословной принадлежности. «Общие» медали различались по своей значимости исходя из вида металла, из которого они производились (золотые и серебряные), размера (диаметром в 28, 42, 50 и 65 миллиметров), способа ношения (на шее или в петлице, позже – на груди) и вида ленты (Андреевская, Александровская, Владимирская, Аннинская, Станиславская). Награждение такими медалями как правило происходило в порядке строгой постепенности: сначала серебряные, потом золотые и на лентах орденов от низших к высшим. На лицевой стороне таких медалей помещалось изображение императора, урезанное по шее или погрудное, а на оборотной – надпись. На медалях начала XIX века заметно стремление учредителя в нанесении на оборотных сторонах медалей лаконичных надписей и строгих графических узоров. Особо следует отметить реверсное изображение на медалях «За усердие» и части медалей «За полезное», учрежденных в 1801 году. Впервые использованный на реверсах этих

Медаль «За служение во время коронации. 1801 сентября в 15 день». Учреждена в 1801 г.

Медаль «За верность и усердие». Учреждена в 1802 г.

Медаль «За полезное». Учреждена в 1801 г.

медалей орнамент из концентрических окружностей и крупной круговой надписи станет традиционным и самым узнаваемым изображением на оборотных сторонах медалей Российской империи при наследниках Александра I.

В царствование императора Александра I продолжила свое развитие и система воинских наград. В 1801 году знак отличия ордена Святой Анны в дополнение к своему основному предназначению в качестве поощрения за выслугу лет, приобрел статус боевой награды. Знак стал выдаваться солдатам и унтер-офицерам за отличия, проявленные еще во время Итальянского и Швейцарского походов 1799 года, а также за подвиги в войнах, в которых участвовала Россия в первые годы нового столетия.

В первой четверти XIX века Российская империя проводила активную внешнюю политику на разных направлениях. Значительное число медалей было учреждено для награждения участников военных кампаний и в ознаменование важнейших исторических событий.

Первоначально дипломатические и военные усилия России по присоединению территорий в Кавказском регионе вылились в Русско-персидскую войну 1804-1813 годов. В 1805 году Россия приняла участие в войне Третьей коалиции, а в 1806-1807 годах в последовавшей вскоре войне четвертой коалиции против Французской империи. Приблизительно в то же время разразилась Русско-турецкая война

1806-1812 годов. Менее продолжительным оказался военный конфликт Российской империи с Королевством Швеция в 1808-1809 годах. В 1812 году Великая армия вторглась в пределы Российской империи и противоборство с коалицией, возглавляемой Францией, продлилось вплоть до 1814 года.

Боевые действия войск на Кавказе были ознаменованы рядом медалей: «За труды и храбрость при взятии Ганджи» 3 января 1804 года, «За храбрость, оказанную в сражении с персианами» 30 июня 1804 года и «За отличие в сражении с кабардинцами» 11 марта 1805 года. Медалью за штурм города-крепости Гянджи были награждены нижние чины, принимавшие в нем участие. На аверсе медали был изображен вензель императора Александра I, увенчанный императорской короной. На реверсе по всему полю была отчеканена семистрочная надпись: «ЗА / ТРУДЫ / И ХРАБРОСТЬ / ПРИ ВЗЯТИИ / ГАНЖИ / ГЕНВАРЯ 3. / 1804 Г.». Носилась медаль на Александровской ленте. Всего было отчеканено 3700 серебряных медалей. Такая массовость награждения солдат специально учреждаемой наградой за конкретное военное событие казалась символом преемственности нового царствования молодого Александра по отношению к череде подобных примеров, столь частых в предыдущем столетии. Но как показали дальнейшие события, такие поощрения, стали скорее исключением, чем правилом. С 1805 года основные военные уси-

лия Российской империи были сконцентрированы на европейском театре. В первую войну с Наполеоном, впервые со времен Петра I, русская гвардия выступила, хоть и не в полном составе, но всеми своими частями. В дальнейшем российская императорская гвардия принимала участие во всех европейских войнах царствования императора Александра I и, в отличие от старой гвардии Наполеона, русская гвардия участвовала практически во всех крупных сражениях этой эпохи, показав примеры мужества, самоотверженности и стойкости.

Ввиду большой потребности страны в рекрутах в период наполеоновских войн правительство приняло решение привлечь на службу разными льготами отставных солдат. Одним из способов привлечения на сверхсрочную службу явилось учреждение в 1806 году двух медалей «За усердие к службе» и «В честь заслуженному солдату». Первая медаль в серебре предназначалась для награждения солдат, добровольно согласившихся остаться на сверхсрочную службу, либо отставных солдат, вновь поступивших на службу в армию в 1806-1807 годах и прослуживших затем по крайней мере три года. Вторая медаль в серебре полагалась солдатам, прослужившим подобным образом шесть лет, в золоте - за 10 лет сверхсрочной службы.

Эти медали отличались от традиционных российских наград меньшим

Медаль «За труды и храбрость при взятии Гянджи». Учреждена в 1804 г.

Медаль «В честь заслуженному солдату». Учреждена в 1806 г.

Крест за сражение при Прейшиш-Эйлау. Учрежден в 1807 г.

Знак отличия Военного ордена. Учрежден в 1807 г.

размером и явились прообразом будущих фразных наград. На аверсе обеих медалей над пустым обрезом во все поле медали была изображена композиция из воинских атрибутов: на круглом боевом щите на фоне перекрещенных склоненного боевого знамени и сабли, в центре на переднем плане располагался кивер. Реверс медалей различался. На оборотной стороне первой медали была отчеканена горизонтальная надпись в три строки: «ЗА / УСЕРДИЕ / КЪ СЛУЖБѢ.» ниже которой шла фигурная черта. Реверс второй медали заполняла четырехстрочная надпись: «ВЪ / ЧЕСТЬ ЗА- / СЛУЖЕННОМУ / СОЛДАТУ.», ниже которой, под обрезом, был указан год «1806.». Медаль «За усердие к службе» носилась на Александровской ленте, медаль «В честь заслуженному солдату» - на Андреевской.

В целом две первые кампании против наполеоновской армии оказались неудачными для русского оружия. По этой причине только ожесточенное и кровопролитное сражение у Прейшиш-Эйлау в январе 1806 года нашло отражение в специально учрежденной 31 августа 1807 года награде. Этой наградой стал золотой знак в виде креста, который должен был вручаться офицерам, участвовавшим в сражении и не получившим орденов Святого Георгия и Святого Владимира с бантом, но которые были представлены командованием к получению знака отличия. Вслед за серией золотых офицерских крестов времени правления императрицы Екатерины II (Очаковским, Измаильским и Прагским) крест за Прейшиш-Эйлау стал четвертым по счету. Внешне он отличался от предшественников и походил по своей форме на крест ордена Святого Георгия. На аверсе знака в центральном круге посередине креста была помещена надпись в 4 строки: «ЗА / ТРУДЫ / И / ХРАБРОСТЬ». В аналогичном круге с реверсной стороны была отчеканена надпись в 5 строк: «ПОБЕДА / ПРИ ПРЕЙШ / ЕЙЛАУ / 27 ГЕН: / 1807 Г.». Крест носился на ленте ордена Святого Георгия.

В отличие от предыдущих подобных награждений, когда одновременно с учреждением золотых офицерских крестов изготавливались специальные солдатские наградные

знаки для вручения унтер-офицерскому и рядовому составу, за сражение при Прейсиш-Эйлау чеканка солдатских медалей не была предусмотрена.

Впрочем, отчасти этот пробел был нивелирован введением особой награды для данной категории военнослужащих. Манифестом от 13 февраля 1807 года для награждения унтер-офицеров, солдат и матросов, «кои действительно служа в сухопутных и морских войсках, отличат себя особенною храбростью против неприятеля» был учрежден знак отличия Военного ордена. По сравнению с медалями данный знак являлся персонифицированной наградой за конкретные героические действия. Этот знак был причислен к ордену Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Первоначально знак не имел степеней и выдавался только один раз. Последующие подвиги приносили лишь прибавку к жалованию вплоть до двойного оклада. По увольнении в запас награжденному сохранялось прибавочное жалование до конца жизни, а после смерти еще один год эти «крестовые деньги» выдавались его вдове. Знак отличия военного ордена, который часто в обиходе назывался солдатским георгиевским крестом, стал очень значимой, уважаемой и в то же время массовой наградой. До начала Отечественной войны 1812 года им было награждено 12871 человек. Знак отличия военного ордена представлял собой серебряный равносторонний крест с уширенными концами без эмали. На аверсе в середине в круглой розетке помещалось рельефное изображение Святого Георгия Победоносца на коне, копьем поражающего змия; на реверсе в такой же центральной круглой розетке в середине креста была отчеканена монограмма из двух наложенных одна на другую букв «СГ» (Святой Георгий), а на левой и правой стороне креста с 1809 года стал проставляться порядковый номер награждения. С учреждением 13 февраля 1807 года знака отличия Военного ордена знак отличия ордена Святой Анны в 1808 году вновь стал вручаться нижним чинам армии и флота только за беспорочно и безотлучно выслуженные в войсках двадцать лет. С того же 1808 года офицерам, награжденным орденом Святой Ан-

ны 3 класса, запрещалось носить знак отличия ордена Святой Анны, который ему был ранее пожалован в нижних чинах. Также в отношении этого офицера прекращались выплаты пенсий по знаку отличия ордена Святой Анны.

После разгрома армией Наполеона союзных прусско-саксонских войск в 1806 году, над Россией нависла угроза прямого вторжения. В этих условиях, Александр I объявил 3 декабря 1806 года манифест о созыве Земского войска (милиции). Началось формирование ополчения, в составе которого был создан императорский батальон милиции. Он замыслился как образцовый и показательный для всех ополченческих частей. В состав батальона были включены удельные крестьяне

посредственно участвовавших в сражениях с неприятелем. Офицеры, бывшие в действующей армии, но лично не принимавшие участия в боевых действиях, носили медаль на Владимирской ленте.

На аверсе медали располагалось поплечное изображение императора Александра I, окружала портрет надпись: «АЛЕКСАНДРЪ I. ИМП. ВСЕРОСС. 1807». По окружности реверса шел дубовый венок, перевязанный лентами, внутреннее поле которого было разделено горизонтальной фигурной чертой. Верхнюю половину поля заполняла надпись: «ЗА ВЪРУ И / ОТЕЧЕСТВО», нижнее – надпись более мелким шрифтом: «ЗЕМСКОМУ / ВОЙСКУ».

Золотые и серебряные медали меньшего размера с поперечным ушком

Медаль «Земскому войску». Учреждена в 1807 г.

из имений, принадлежавших императорской фамилии. Элитный статус части подчеркивал и тот факт, что военнослужащие батальона получали жалованье по гвардейскому штату. В 1811 году батальон был преобразован в Лейб-гвардии Финляндский полк. В марте 1807 года для ополченцев земского войска была учреждена специальная медаль. Ее серебряной разновидностью награждались ратники ополченских батальонов, принимавшие непосредственное участие в сражениях против неприятеля. Золотыми медалями награждались офицеры ополченческих частей. Медаль на Георгиевской ленте предназначалась для награждения офицеров и ратников, не-

и продетым в него колечком предназначались для награждения офицерского состава и ратников казачьих подразделений земского войска и кавалерийских дружин.

Гвардейские части приняли активное участие в Русско-шведской войне 1808-1809 годов. События этой войны нашли свое отражение в двух наградных медалях.

Медалью «За переход на Шведский берег» награждались все нижние чины корпуса генерала от инфантерии М.Б. Барклая-де-Толли, медалью «За проход в Швецию через Торнео» были пожалованы солдаты корпуса генерал-адъютанта П.А. Шувалова – участники похода в Швецию по по-

Медаль «За переход на шведский берег». Учреждена в 1809 г.

Крест за взятие приступом Базарджика. Учрежден в 1810 г.

Медаль «За отличие при взятии приступом Базарджика». Учреждена в 1810 г.

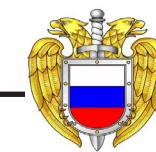
бережью Ботнического залива через город Торнео и одноименную реку.

На аверсе обеих медалей был изображен вензель императора Александра I под императорской короной. На реверсе первой медали была нанесена надпись в 4 строки: «ЗА / ПЕРЕХОДЪ / НА ШВЕДСКІЙ / БЕРЕГЪ», а под фигурной концевкой в виде черты была указана дата «1809.». Бортик реверса медали с внутренней стороны был украшен мелкими бусинками. Обратная сторона второй медали отличалась от первой только надписью: «ЗА / ПРОХОДЪ / ВЪ ШВЕЦІЮ / ЧЕРЕЗ ТОРНЕО».

За храбрость и усердие, проявленные 22 мая 1810 года при штурме крепости Базарджик во время Русско-турецкой войны 1806-1812 годов корпусом войск под руководством генерал-лейтенанта графа Н.М. Каменского император Александр I пожаловал отличившимся штаб- и обер-офицерам, не получившим кавалерских орденов, золотые знаки отличия. Одновременно для нижних чинов были отчеканены соответствующие серебряные медали. Это была пятая по счету и последняя в серии специальная награда за выдающиеся военные события, связанные со значимым воинским успехом русского оружия. По сравнению с награждением за сражение при Прейсиш-Эйлау, где неординарными знаками отличия были поощрены только офицеры, в данном случае произошло восстановление наградной традиции екатерининских времен в полном объеме: к офицерским золотым крестам были добавлены серебряные солдатские медали.

«Золотой знак отличия» представлял собой равносторонний крест с уширенными раздвоенными концами, по форме напоминавший Мальтийский орден. В середине знака в центральном круге на аверсе была размещена трехстрочная надпись: «ЗА / ОТЛИЧНУЮ / ХРАБРОСТЬ». Изображение реверса отличалось лишь надписью в шесть строк: «ПРИ / ВЪЯТІИ / ПРИСТУПОМЪ / БАЗАРДЖИКА / 22 МАІА / 1810 Г.».

На аверсе медали было нанесено поплечное изображение императора Александра I в профиль, а по окружности медали шла надпись: «АЛЕКСАНДРЪ I. ИМП. ВСЕРОСС.». На реверсе медали в 7 строк была отчеканена над-

пись: «ЗА / ОТЛИЧІЕ / ПРИ ВЗЯТІИ / ПРИСТУПОМЪ / БАЗАРДЖИКА / 22 МАІЯ / 1810 Г.». Вдоль бортика реверса медали по окружности были пущены мелкие бусинки. Как крест, так и медаль носились на Георгиевской ленте.

В период Отечественной войны 1812 года Бородинская битва стала главным испытанием императорской гвардии, которое гвардейские части выдержали с честью, понеся большие потери.

Столь значимая в истории России победа в Отечественной войне 1812 года потребовала своего увековечивания в виде специальной награды. И она была учреждена. 5 февраля 1813 года император Александр I в подписанном им указе, обращаясь к войнам — защитникам Отечества со словами благодарности, повелел в ознаменование незабвенных их подвигов выбить и освятить специальную серебряную медаль. Награда предназначалась для строевых чинов армии и ополчения, которые действовали против неприятеля в продолжении 1812 года до 1 января 1813 года. Этой же медалью награждались нестроевые, священники и медицинские чины, которые действительно находились во время сражений под неприятельским огнем.

Медали чеканились до 1819 года. Всего было изготовлено около 260 тысяч экземпляров. Первыми новой медали были удостоены чины Императорской Свиты, чиновники Главной квартиры и Лейб-гвардия. Манифестом императора Александра I от 30 августа 1814 года впервые была учреждена медаль из темной бронзы для награждения «отцов или старейшин» дворянских семейств и «имеющих отличные и важные заслуги» купцов, содействовавших победе армии в Отечественной войне 1812 года.

Дворянству разрешалось сохранять медаль у потомков, без права её ношения потомками. Это право было установлено только в 1912 году в дни празднования 100-летия Отечественной войны.

В середине поля аверса медали располагалось изображение «всевидащего ока» в лучезарном сиянии. В нижней части по окружности шла надпись:

«1812 ГОДЪ». Все поле оборотной стороны занимала надпись в четыре строки: «НЕ НАМЪ, / НЕ НАМЪ, / А ИМЕНИ / ТВОЕМУ». Серебряные медали имели разновидности. Большие по размеру со стандартным ушком для чинов пехоты. Меньшие с поперечным ушком, с продетым в него колечком для подвешивания на ленту — для кавалеристов. Аналогичное деление по размеру и способу крепления было и у бронзовых медалей. Обладателями полноразмерных наград становились старейшины родов. Уменьшенный вариант доставлялся старейшим женщинам рода. Серебряные медали носились на Андреевской ленте. Бронзовые награды на Владимирской ленте были прерогативой дворянского сословия. Медаль на Анненской ленте становилась уделом купцов.

После разгрома неприятеля в делах Отечества для русской армии и гвардии в том числе наступил период заграничных походов 1813-1814 годов. В них гвардейские части опять же участвовали в полном составе.

Одним из самых знаковых событий в истории русской гвардии стала битва под Кульмом 17-18 августа 1814 года. Весь день 17 августа русские гвардейские и армейские части отражали яростные атаки французского корпуса генерала Д.Ж. Вандама, пытавшегося окружить отступавшую после пораже-

ния в битве под Дрезденом союзную армию. Непоколебимое мужество русских полков в сражении в Кульмском ущелье Рудных гор в Чехии ценой значительных собственных потерь позволило союзникам не только остановить противника, но и на следующий день с подходом резервов окружить, разгромить и большей частью пленить войска врага.

Союзник и свидетель этой победы прусский король Фридрих-Вильгельм III, в пылу победного восторга, повелел

Медаль «В память Отечественной войны 1812 года». Учреждена в 1813 г.

Знак отличия Железного креста («Кульмский крест»). Учрежден в 1813 г.

наградить русских офицеров и солдат военным орденом королевства Пруссии — Железным крестом. Это скоропалительное решение шло вразрез со статусом награды, которая вручалась только подданным королевства. К тому же знаков ордена в таком количестве, а к награждению было представлено более 12 тысяч воинов, не оказалось в наличии. Осознав это, прусский король учредил особый наградной знак — Кульмский крест. Изготовленные и отправленные в Россию кресты с 1816 года стали вручаться русским участникам битвы. Награду смогли получить лишь 7131 выживших к 1816 году воинов. В русском варианте по аналогии со «Знаком отличия Военного ордена» Кульмский крест получил название «Знак отличия Же-

лезного креста» В 1827 году император Николай I повелел считать его знаком отличия «наравне с русскими медалями». Лейпцигское сражение 1813 года стало решающей битвой, окончательно склонившей чашу весов в сторону союзников. Тяжелые испытания в ходе сражения выпали на гвардейскую кавалерию. При этом особо отличились гвардейские казаки. В первый день сражения удачно действовавшая французская кавалерия при попытке прорыва центра построения союзников оказалась в непосредственной близости от холма, на котором находились союзные монархи и главнокомандующий князь Шварценберг. При отсутствии в тот момент иных резервов, император Александр I отправил в бой Лейб-гвардии Казачий

Сражение при Кульме 17-18 августа 1813 года. А. Коцебу

Медаль «За взятие Парижа». Учреждена в 1814 г.

полк, который по сути являлся почетным конвоем и охраной монарха. Казаки нанесли противнику сокрушительный удар, совместно с подоспевшими другими частями опрокинули его и в итоге обратили в беспорядочное бегство.

Кампания 1814 года закончилась победным сражением союзников на подступах к Парижу и его капитуляцией. Медаль за взятие вражеской столицы была учреждена манифестом императора Александра I 18 августа 1814 года. Медаль предназначалась для награждения офицеров и нижних чинов, находившихся в составе действующей армии и принимавших участие в кампании 1814 года.

На лицевой стороне медали располагалось поплечное изображение императора Александра I в лавровом венке и в сиянии расположенного над ним лучезарного «всевидащего ока». По всему обводу медали с оборотной стороны шел замкнутый в круг лавровый венок, перевязанный внизу лентой. Внутри венка размещалась надпись в пять строк следующего содержания: «ЗА / ВЗЯТІЕ / ПАРИЖА / 19 марта / 1814.». По аналогии с медалью «В память Отечественной войны 1812 года» медаль «За взятие Парижа» имела вариации для пехотных и кавалерийских частей.

Медали были отчеканены в тираже более 160 тысяч экземпляров, но в войска выданы не были. Существует предположение, что Александр I счел негуманным производить награждение своих воинов этой медалью в условиях реставрации монархии во Франции.

И только в начале следующего царствования, 18 марта 1826 года, по распоряжению императора Николая I медаль «За взятие Парижа» была освящена у гробницы императора Александра I, и в этот же день началось ее вручение в русских войсках, которое затянулось до 1832 года. Медаль стала первой русской наградой, которую носили на комбинированной Андреевско-Георгиевской ленте, состоящей из узких лент двух высших орденов Российской империи: Святого апостола Андрея Первозванного и Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия.

Артём Хрунин

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ И ОБРАЗ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА III

Мифы, оценки и мнения

Смерть Александра III 20 октября 1894 г. многие современники восприняли как трагедию, которая повлекла за собой все последующие бедствия российских революций. И позже в мемуарах многие авторы писали, что если бы Александр III не умер в возрасте 49 лет, то, возможно, судьба России сложилась бы иначе, и корабль российской государственности, направляемой твердой рукой царя, миновал бы многие рифы развития внутриполитической ситуации в России.

Мы не ставили задачи всесторонней оценки деятельности Александра III, но хотелось бы отметить, что еще дореволюционная либеральная интеллигенция начала процесс негативного мифотворчества о времени царствования этого человека. Именно из этой среды вышел термин «контрреформы». Эти негативные оценки были естественным образом восприняты советской историографией от М.П. Погодина до П.А. Заичонковского. Для характеристики Александра III находились только негативные оценки, живо обсуждался вопрос о его алкоголизме. Процесс переоценки наследия Александра III начался в последние десятилетия. В основу переоценки были положены принципы государственности. Многие авторы подчеркивают, что именно Александр III скорректировал либеральные реформы своего отца в русле исторической самодержавной традиции, чем обеспечил внутреннюю стабильность империи, бурное экономическое развитие России и ее высокий международный авторитет. А поскольку развитие России в этом направлении было прервано ранней смертью императора, имеет смысл подробно рассмотреть некоторые аспекты, связанные с состоянием его здоровья и болезнью в 1894 году – последнем году жизни.

Хотя этот период истории России сохранил нам не только описания

Император Александр III

внешности исторических лиц, но и множество фотографий, мемуаристы считали своим долгом, следуя традиции жанра, описывать внешний вид своих героев. А поскольку они видели их «живую», то непосредственные впечатления могли отличаться от статичных фотографий и сохраняют

свою ценность по настоящее время. Американский исследователь Р. Масси упоминает, что Александр III был высокого роста – 6 футов 4 дюйма, то есть 1 м 93 см. Крупный политик и государственный деятель С.Ю. Вите пишет, что император «был очень большого роста, причем при всей своей

комплексии он не был особенно силен и мускулист, а скорее был несколько толст и жирен». Писатель Л.Н. Толстой после аудиенции у Александра III записал в дневнике: «государь скорее толст, но крепок и, видимо, силен. Волос совсем почти нет: от одного виска до другого скорее слишком узко, точно немного сдавлено». Журналист Диллон отмечал, что «царь по сложению настоящий мясник, силен и мускулист чрезмерно... Фигура его громадна и неповоротлива, что обуславливается отчасти его почти болезненной застенчивостью». Генерал Н.А. Епанчин замечает, что «недавно В.М. Васнецов изобразил его в известной картине «русские богатыри».

Информация о здоровье Александра III скудна и связана в основном с событиями конца его царствования. Император родился 26 февраля 1845 года и был третьим ребенком в семье Александра II и Марии Александровны. Роды нового члена царской семьи принимали доктор Шольц и главная акушерка воспитательного дома Анна Чайковская.

О детстве и его взрослении в литературе упоминается мало, поскольку до 1865 г. он не имел статуса цесаревича и главное внимание уделялось его старшему брату Николаю Александровичу. По традиции кормилиц к императорскому двору поставляла деревня,

находившаяся около Ропши. Каждой кормилице полагалось: постройка избы в деревне, значительное жалование и единовременное пособие по окончании службы. За все время пребывания во дворце мамка не имела права ни ездить домой, ни выходить в город. Это требование было связано с опасениями занести в детскую какую-нибудь инфекцию.

Связь между кормилицей и царем по традиции сохранялась на всю жизнь. В дни ангела царя кормилица приглашалась во дворец, и Александр III, зная, что его мамка любит пастилу, специально заказывал ее на фабрике Бличкена и Робинсона. Говорили, что в Ливадии, на смертном одре, царь вспоминал о ней: «эх, если бы жива была старая! Вспрыснула бы с уголька и все как рукой бы сняло. А то, профессора, аптеки». Поскольку Александр III с детства отличался коренастостью, то за ним утвердилось домашнее прозвище «мопса», позже его сменило ласкательное прозвище «бычок», с которым обращался к нему отец.

Не был чужд великий князь Александр Александрович и спорта. Об этом свидетельствует два пресс-папье из бронзы и желтой меди с надписями: «1 приз под веслами в Царск. Селе 1863. 21 сентября» и «1 приз под парусами. Ц. Село 1863. 21 сент.», которые хранились в его рабочем кабинете в Александровском дворце царского села.

Молодые великие князья совершали длительные пешие прогулки. Так, 26 июня 1864 г. состоялся поход большой компании «золотой молодежи» из царского села в Гатчину. Они вышли из Александровского дворца в 16 часов и прибыли в Гатчинский дворец в 21 час 15 минут. Рисунки, связанные с этой прогулкой, Александр III хранил всю жизнь.

Александр III любил попариться в русской бане. Она была во всех дворцах, где он жил. Царь прекрасно разбирался в банных традициях.

Будучи молодым человеком, Александр III перенес брюшной тиф. Мемуаристы вспоминали, что в декабре 1865 г. «великий князь жаловался на сильную головную боль – это было прологом тифа, которым он опасно заболел после переезда в Аничков Дворец». Именно тогда была предпринята первая

и последняя попытка убрать лейб-хирурга Г.И. Гирша, который отвечал за состояние здоровья наследника. На цесаревича буквально «напирали со всех, даже с семейных, влиятельных сторон», но будущий монарх «сказал свое решительное слово, и оно было бесповоротным! Все поняли, что он Гирша не выдаст и что положение Гирша никогда не будет лично поколеблено как человека, быть может, как врача и не искусного, но лично цесаревичу приятного и верного». С одной стороны, такая привязанность цесаревича к Гиршу была связана с твердостью во взглядах на людей, которых Александр III приближал к себе, с другой – цесаревич тогда действительно считал, что он сумеет обойтись без медиков, ну а поскольку они были положены по штату, предпочитал иметь рядом с собой лично приятных ему людей. По воспоминаниям С.Д. Шереметева, Гирш был «добряк, хотя себе на уме, он пришелся цесаревичу по нраву, который ходил с ним на охоту и любил с ним поговорить. Русский немец, практик, конечно, но с добрыми намерениями и чувствами, любил он русскую баню и был приятнейшим спутником, человеком покладистым и приятным».

В начале декабря 1883 г. Александр III, выпав на охоте из саней, получил закрытый перелом костей предплечья. Не желая обращаться к врачам, он три дня терпел боль, но после появления опухоли ему пришлось обратиться за медицинской помощью. По сведениям мемуаристов, у него началось воспаление надкостницы. По словам К.П. Победоносцева, в обществе немедленно «пошли гулять тревожные и вздорные слухи», связанные с утверждениями, что «в государя стреляли». После согласования с министром внутренних дел, достоверная информация о состоянии здоровья царя была опубликована в официальном «Правительственном вестнике».

Жизнь любого исторического персонажа сопровождается различными общественными мифами. Одним из самых устойчивых был миф о пьянстве Александра III, которое якобы стало причиной его преждевременной смерти. Он в какой-то мере выступает водоразделом симпатий и антипатий к императору. Те, кто симпатизирует

Александр III. 1865 г.

образу царя, отрицают сам факт пьянства, противники же настаивают. И те и другие приводят свои аргументы.

Прежде всего, необходимо отметить, что эта сторона жизни императора была тесно связана с начальником его охраны генералом П.А. Черевиным. В дневниковых записях современников, достаточно откровенно описывающих те или иные стороны современной им жизни, не упоминается ни словом о пьянстве императора, но вместе с тем достаточно много пишется о пьянстве его ближайшего соратника. В воспоминаниях, написанных уже после смерти императора, этот вопрос поднимается в основном в форме опровержения распространявшихся слухов. И четко указывается, что слухи о пьянстве Александра III получают распространение только после его смерти. В советское время, с легкой руки проф. П.А. Зайончковского, в исторической литературе этот миф по-

Генерал-адъютант П.А. Черевин

лучил широкое распространение. При этом источником являются сведения, восходящие к начальнику охраны царя, генерал-адъютанту П.А. Черевину.

Все это вполне объяснимо. Революционная пресса десятилетиями использовала любые слухи для развенчания самодержавных властителей. Это вполне вписывалось в логику политической борьбы, в которой все, что служило целям революции, признавалось моральным и оправданным. После февральской революции 1917 г. в либеральной

прессе начинается кампания по дискредитации правящей династии, и журнал «Голос минувшего» перепечатал статью из издаваемой В.Л. Бурцевым в Париже газеты «Будущее» за 1912 г. с воспоминаниями известного физика П.Н. Лебедева, записанными с его слов лично Бурцевым. Физик познакомился с генералом П.А. Черевиным в Страсбурге, где тот гостил у своей сестры, бывшей замужем за одним из профессоров местного университета. Лебедева скупаящий Черевин «возлюбил и беседовал с ним много и откровенно». Бурцев подчеркивает, что ему эти сведения были сообщены Лебедевым «тогда же, непосредственно, в половине 90-х годов», и он записал их прямо с лебедевского рассказа. Репутация Бурцева как источника различных сведений была высока, а после истории с Азефом безупречна, поэтому мы, видимо, можем все-таки доверять приведенным ниже эпизодам. Лебедев спрашивал Черевина, справедлив ли слух, будто Александр III крепко пил. Черевин с лукавым добродушием отвечал: «не больше, чем я». И далее он рассказывал, что «государь выпить любил, но во «благовремени». Он мог выпить много без всяких признаков опьянения, кроме того, что делался необычайно в духе – весел и шаловлив, как ребенок. Утром и днем он был очень осторожен относительно хмельных напитков, стараясь сохранить свежую голову для работы, и, только очистив все очередные занятия впредь до завтрашних докладов, позволял себе угоститься, как следует, по мере желания и потребности... К концу восьмидесятих годов врачи ему совершенно запретили пить и так напугали царицу всякими угрозами, что она внимательнейшим образом начала следить за нами... Сам же государь запрещения врачей в грош не ставил, а обходиться без спиртного ему с непривычки, при его росте и дородстве, было тяжело».

В дореволюционных источниках о «пьянстве» императора упоминается в книге В.П. Обнинского. И хотя в послесловии к книге проф. С.С. Волк утверждает, что это «серьезный очень редкий труд», в ней собраны все самые грязные сплетни, которые искусно перемешаны с правдой, в результате чего получается лучшая ложь – полуправда.

Обнинский писал, что во время командования Рушукским отрядом в 1877 г. цесаревич «топил в вине свои житейские и военные неудачи, искусственно создавая туман... Злоупотребление алкоголем, к чему должно было быть предрасположение, доходило до настоящих припадков, запоя, от которого вылечил впоследствии наследника С.П. Боткин».

В мемуарных источниках, изданных в 1930-х гг., коротко отмечается, что нянька императора «упрекала за усердие к вину, а он парировал: «не твое дело». В основной же массе мемуарной литературы, изданной как до 1917 г., так и после, упоминаний о пьянстве царя либо нет, либо эти слухи всячески опровергаются. В биографии, написанной проф. А. Бохановым, указывается, что проф. П.А. Зайончковский, «исступленно, как личного врага, ненавидевший Александра III и несколько десятилетий в своих статьях и книгах с упоением тиражировавший слухи и сплетни». Эти слухи тиражируются и сегодня. Боханов подчеркивает, что «Александр III никогда не злоупотреблял алкоголем, а про него пустили сплетню, ставшую неперменным атрибутом многих... сочинений. Он иногда выпивал рюмку-другую водки, настойки или наливки, но ни разу в жизни не был пьян. На официальных приемах почти всегда пил шампанское, разбавленное водой. Из всех напитков больше всего любил квас».

Этот миф косвенно подтверждался тесной дружбой и сотрудничеством Александра III и П.А. Черевина, который действительно пил много. Но совершенно очевидно, что говорить о Черевине, как о законченном алкоголике, нельзя. Это был деловой человек, которому Александр III прощал его чисто русскую слабость за его обязательность, деловые качества и правдивость.

Мемуаристы писали о Черевине разное. В.Н. Ламздорф, не питавший к Черевину особых симпатий, в дневнике в апреле 1892 г. приводил характерный эпизод, связанный с Черевиным: «Зиновьев мне рассказывал, что его спутник пил всю дорогу и так напился в Стокгольме, что, отправляясь на пристань, чтобы сесть на пароход, сей генерал-адъютант и в некотором роде друг императора всероссийского, на улице шатал-

ся, чем страшно смущал провожавшего его Зиновьева. Войдя на пароход, он тотчас же уронил в море свою шляпу».

Лейб-хирург проф. Н.А. Вельяминов отмечал, что П.А. Черевин «был очень близок к государю и всегда имел к нему доступ без доклада». Надо заметить, что не все великие князья пользовались этим правом. С.Ю. Витте упоминает, что Черевин «был очень склонен к употреблению спиртных напитков, но к Черевину как император Александр III, так и императрица Мария Федоровна относились очень благосклонно» и хотя «он весьма часто, можно сказать, почти ежедневно, был не вполне в нормальном состоянии, но императрица Мария Федоровна осталась в высокой степени к нему расположенной и весьма любила и уважала Черевина». Генерал Н.А. Епанчин, также близко знавший Черевина, писал о нем: «Черевин в известной степени злоупотреблял спиртными напитками, но это, безусловно, не мешало ему работать как следует». В дневниках молодого цесаревича Николая Александровича упоминается в январе 1890 г.: «обедали у П.А. Черевина. Он, бедный, совершенно налился!» но в целом все они характеризуют его как человека долга. Видимо, если император и пил, как это делает время от времени русский человек, то исключительно в узком кругу, снимая стрессовые ситуации, связанные с его работой, и никто, даже критически настроенные к нему современники, не изображали царя пьяницей на троне. К этому у них не было повода. Очень спокойно пишет об этом один из друзей молодости Александра III – граф С.Д. Шереметев: «он был воздержан и в питье, но мог выпить много, очень был крепок и, кажется, никогда не был вполне во хмелю». Одно можно утверждать с уверенностью, что вряд ли эти выпивки дали толчок к развитию смертельной болезни Александра III.

Пожалуй, наибольшего доверия в этой разногласии заслуживают воспоминания лейб-хирурга Александра III, профессора военно-медицинской академии Н.А. Вельяминова. С одной стороны, это воспоминания врача, который профессионально разбирался в проблеме, а с другой стороны, они были написаны в 1919 г. В голодной

и холодной Москве, когда было уже не столь трепетное отношение к монархам. Он пишет, что «во время болезни государя распустили сказку, будто государь очень любил курить и злоупотреблял вином, чем и стремились объяснить его болезнь. Должен сказать, что это совершенная неправда ... Пил ли он водку за закуской – не помню, кажется нет, а если и пил, то никак не больше одной маленькой чарочки: за столом он пил больше квас, вина почти не пил, а если пил, то свой любимый напиток – русский квас пополам с шампанским и то очень умеренно: вечером ему подавали всегда графин замороженной воды, и пил такой ледяной воды действительно очень много, всегда жалуясь на неупитимую жажду. Вообще государь вел очень умеренный образ жизни и если чем-то себе вредил, так это непосильной работой в ущерб сну». Видимо, точку зрения этого автора, учитывая все сказанное выше, можно взять за основу при рассмотрении данной проблемы.

Чрезмерная полнота императора, видимо, также негативно отражалась на его самочувствии. Мемуаристы отмечали, что Александр III был недоволен своей внешностью, так как рано начал полнеть. Сначала это заботило его, как молодого человека, не желающего изменений своей внешности в худшую сторону, а затем полнота начала рассматриваться им как фактор нездоровья. С.Ю. Витте приводит один

Профессор Н.А. Вельяминов

из характерных эпизодов, показывающих, насколько это заботило императора. Во время его представления Александру III после назначения начальником департамента железных дорог Витте обратил внимание на то, что Александр III долго тихо разговаривал с одним из представлявшихся вместе с ним военным. «Я решился его спросить: простите, если это нескромно, но можно вас спросить: почему вас император задержал, что он вам говорил? Полковник улыбается и говорит. Видите ли, государь меня знал, когда я был очень полный, а теперь я худой, вот он меня все время и расспрашивал, каким образом я сделал, что так похудел? Я ему рассказал, какую я вел жизнь, что я ел. Расспросив меня тщательно, он сказал, что очень мне благодарен, что он это тоже попробует, потому что ему неудобно быть таким толстым».

Видимо, выполняя эти рекомендации, в еде Александр III был сдержан. Естественно, соблюдались все православные посты, которых набиралось более 250 дней в году, да и в обычные дни он старался есть как можно меньше. Кроме этого, Витте отмечал, что «при дворе ели сравнительно очень скверно ... почти всегда, когда приходилось там есть, являлась опасность за желудок», правда, это относилось только к так называемому гофмаршальскому столу. Но и сам император любил пищу чрезвычайно простую, и когда ему его стол приедался, то он иногда просил, как лакомства, чтобы ему приносили обед из обыкновенной солдатской или охотничьей кухни из ближайших казарм или охотничьей команды.

Кроме ограничений в еде Александр III пытался бороться с полнотой активным физическим трудом, что было полезно также для здоровья, учитывая сидячий характер его работы. Поэтому в свободную минуту он старался загрузить себя физической работой – пилил и рубил дрова, разгребал снег на дорожках гатчинского парка, занимался греблей, колот лед. Эта особенность его повседневного быта отмечалась большинством мемуаристов. Английский корреспондент писал: «царь находит огромное удовольствие в физическом труде, составляющим для него столько же не-

обходимость, сколько и развлечение».

В рабочем кабинете императора в гатчинском дворце находился еловый чурбан, высотой около метра, принесенный лично Александром III из леса. На нем был закреплен «прибор для колки дров», там же находились колун и четыре топора с запасными топориками. Видимо, царь использовал каждую свободную минуту, для того чтобы размяться и сбросить усталость от бесконечного потока «бумажных» дел. Загадкой только является то, как он, будучи высоким человеком, мог размахнуться топором в кабинете с низкими потолками.

Интересно, что его сын Николай II унаследовал от отца эту потребность в простом физическом труде. Об этом же писал В.С. Кривенко, член совета министра императорского двора: «жизнь вел царь в гигиеническом отношении правильную, излишествам никогда не предавался, женился рано и семейным был примерным, алкоголем никогда не увлекался – вина пил немного, ежедневно делал пешком большие прогулки и, кроме того, нередко пилил дрова, разгребал в парке снег».

О широком спектре попыток Александра III побороть полноту свидетельствует и его принципиальное согласие заняться большим теннисом. Тогда для России это был совершенно новый вид спорта, который еще не вошел в моду. Тем не менее, когда в июне 1890 г. Государственный секретарь А.А. Половцев посоветовал царю «устроить для себя jeu de romme [игра в мяч. – фр.]». Он говорит, что очень желал бы это сделать. Я возражаю, что во всяком случае, покуда он приведет это намерение в исполнение, следует делать больше движения. Отвечает, что решительно некогда, и при этом рассказывает, как проходит весь день: «с утра принимаю доклады вплоть до завтрака. После завтрака иду гулять и потом опять принимаюсь за бумагу. В 5 час. иду пить чай к жене, это единственное время, когда ее вижу. После обеда хочется что-нибудь почитать, а там опять бумаги до третьего часу».

И, заканчивая рассмотрение этого вопроса, приведем мнение врача Н.А. Вельяминова: «образ жизни он вел очень умеренный, и все рассказы по этому поводу – басни. Если что-либо и можно было этому образу жизни

Кабинет Александра III в Гатчинском дворце

поставить в упрек, то это следующее: во-первых, всегда пряный поварской стол, который мог способствовать развитию подагрической почвы; во-вторых, слишком большое количество физического труда из желания бороться с тучностью (Государь ради этого пилил и рубил дрова), что переутомило сердце; в-третьих, слишком большое поглощение жидкости в виде кваса и воды; в-четвертых, курение больших и крепких гаванских сигар, кроме массы папирос; наконец в-пятых, психическое переутомление, отчасти от постоянной скрытной работы по ночам».

В последние годы жизни ночная работа настолько вошла в обиход жизни царя, что встревоженные медики и императрица настояли на том, чтобы Александр III дал слово, что он будет заниматься только (!!!) до 3-х часов ночи. Тогда же возникла идея о формировании штата помощников. Предполагалось, что ими будут люди, в чьей преданности Александр III не сомневался, – министр императорского двора И.И. Воронцов-Дашков, командующий императорской Главной квартирой О.Б. Рихтер и начальник охраны императора П.А. Черевин. Но эта идея очень обеспокоила многих видных сановников, поскольку было не в обычае сложившейся структуры власти самодержавной России формирование

штата особо близких к императору людей, которые могли бы, по мере ухудшения здоровья царя, превратиться во всемогущих временщиков. Поэтому император продолжал один добросовестно выполнять свои обязанности.

Любимой загородной резиденцией Александра III была Гатчина. Этот выбор очень одобрял лейб-медик С.П. Боткин. Он считал, что Гатчина обладает всеми качествами курорта: высота над морем – 350 футов, чистый воздух, отличная вода, обширные парки. Сам Боткин приобрел в Гатчине большую дачу с хорошим садом.

В качестве снятия регулярных чрезмерных нагрузок, связанных с управлением огромной державой, император имел несколько отдушин. Он любил живопись и прекрасно в ней разбирался, с удовольствием посещал выставки передвижников. Он любил оперу и был почитателем таланта П.И. Чайковского.

Он любил охоту в Беловежской пуще и рыбалку в гатчинских прудах. Регулярная охота на зверя и птицу была не только древнейшей составляющей повседневной жизни русских царей и императоров, но и традиционным отдыхом. О размахе царских охот этого периода говорит то, что в 1880–90-х гг. был обустроен охотничий дворец в Беловеже. Даже в последнюю осень императора в 1894 г. в тех угодьях было убито 36

Садик Гатчинского дворца

зубров, 37 лосей, 25 оленей, 69 козлов.

Примечательной особенностью повседневной жизни Александра III было его увлечение рыбалкой. «Вторая охота» не была столь уж частым увлечением Романовых. Пожалуй, из всех русских царей единственным страстным любителем рыбалки был император Александр III. Все, что связано с этой частью жизни царя, большинство мемуаристов считало малозначительным, поэтому бытовые подробности жизни восстанавливаются с трудом. Но тем не менее сохранились некоторые документы, которые позволяют реконструировать подробности, связанные с этим «не царским» увлечением.

Любимой резиденцией царя была Гатчина с ее прекрасными парковыми прудами. Именно в них, с учетом увлечения царя рыбалкой, специально разводили рыбу. Судя по письмам императора к жене, это занятие он рассматривал как ежедневный отдых после напряженного рабочего дня, который у царя, как правило, заканчивался после полуночи. Так, в письмах, датированных маем 1884 г., он постоянно упоминает о своих рыбалках. Например, 10 мая 1884 г. он писал, что пошел «на озеро ловить рыбу и поймал 37 штук». На следующий день царь рыбачил с детьми и поймал «много карасей». Судя по записям, импера-

тору нравилась ночная рыбалка.

13 мая 1884 г. он писал жене: «Я занимался до 10 часов, а потом пошли с Барятинским на озеро ловить рыбу и поймали 49 штук, и я – двух больших язей, одного в 4 фунта. В 2 1/2 вернулись, закусили и легли спать». 16 мая 1884 г.: «Занимался до 10 часов и потом пошел в последний раз на озеро ловить рыбу, но неудачно; поймали всего 13 штук, но одну большую щуку. В 2 1/4 вернулся».

О том, как проходили эти ночные рыбалки, пишет его камердинер. Александр III выезжал на рыбную ловлю на гатчинское озеро обыкновенно после полуночи. В лодке, кроме императора, находились матросы-гребцы и егерь. Позади шла еще лодка, в которой были только одни матросы. Егерь светил факелом, а вооруженный острогой император Александр III бил по привлеченной ярким светом всплывавшей рыбе. На эти рыбные ловли командир сводного полка полковник П.П. Гессе снаряжал особую охрану, обычно в составе 20 человек. Команда эта всегдаверялась, как правило, унтер-офицеру – камердинеру, причем только он один имел право идти за лодкой по берегу, солдаты же, входившие в состав команды, обязаны были, не показываясь, следовать за императором, скрываясь в кустах. С рыбной ловли император возвращался очень поздно, иногда даже на рассвете.

Ловили рыбу на прудах и неводом («поймали мало, все шуки маленькие, всего 15 штук»), но любимой забавой царя продолжала оставаться на протяжении всей жизни именно ночная рыбалка. Так 22 апреля 1892 г. он писал жене: «Был три раза ночью на озере, но рыбы еще мало, ночи холодноватые, и я вернулся домой уже в 1 1/4 и занимался».

Император Александр III любил отдыхать в Финляндии, которая с нача-

Рабочий домик на шхерах в Финляндии

ла XIX в. входила в состав российской империи. В немалой степени его привлекала туда именно отличная рыбалка. Впервые Александр III как император посетил Финляндию в сентябре 1882 г. Рыбалка в финских шхерах и на порогах рек доставила ему немало приятных минут. Он очень ценил такой отдых. Поэтому для Александра III на о. Ляхделахти был построен двухэтажный рыбачий домик. Финны до сих пор хранят память о визитах русского царя, и сейчас в этом доме находится музей. Были у русского царя и партнеры по рыбной ловле. Так, в конце 1880-х гг. Он рыбачил на Аландских островах с рыбачкой Финой.

Увлечение царя рыбалкой оставило след и в «большой истории» России. По легенде, которая передавалась многими современниками, на упоминание министра о том, что его ждет посол одной из европейских держав, самодержец якобы бросил фразу: «Когда русский царь удит рыбу – Европа может подождать!»

Катастрофа в Борках. 1888 г.

Скорбной вехой в жизни царской семьи была катастрофа в Борках в октябре 1888 г. Царская семья, возвращавшаяся из Ливадии, собравшаяся вместе в вагоне-столовой на завтрак 18 октября, в 12 ч. 14 мин. на скорости 64 версты в час оказалась погребенной под обломками вагона в результате железнодорожной катастрофы. Причиной ее было значительное превышение скорости тягелого царского состава и дефекты при строительстве железной дороги. Это трагическое событие, унесшее жизни 23 человек, стало печальной датой в семейном календаре последних Романовых. Действительно то, что погиб лакей, наливавший в чай царю сливки, а его семья не пострадала, справедливо воспринималось ими как божественное провидение. впоследствии Николай II, через много лет, постоянно вспоминал эту дату в своем дневнике.

Естественно, большинство мемуаристов, так или иначе, упоминают о катастрофе в Борках. Это событие имело и свои медико-психологические аспекты. На них мы и остановимся. Сразу же стало известно, что у императрицы «помята» левая рука, ушиблена спина у шестилетней великой княжны Оль-

Крушение императорского поезда

ги, которую выбросило в окно на крупную насыпь. Сам император пострадал от ушиба спины. Естественно, вокруг этого события возникло множество мифов, самый распространенный из которых описан С.Ю. Витте. По его словам, «вся крыша столового вагона упала на императора, и он только благодаря своей гигантской силе удержал эту крышу на своей спине, и она никого не задавила». На самом деле в момент крушения поезда стены вагона сдвинулись и задержали падение крыши. Кстати, Витте, на момент написания им мемуаров, были прекрасно известны результаты тщательного расследования катастрофы специальной комиссией под председательством известного юриста А.Ф. Кони.

Самые достоверные сведения о травмах, полученных членами царской семьи, содержатся в письме императрицы Марии Федоровны, отправленном ею родителям буквально через несколько дней после произошедшего. Она писала, что в момент катастрофы «Ольга была выброшена из своего вагона, и она упала с высокой насыпи, но не получила никаких повреждений». Уже 17 октября 1888 г. А.В. Богданович записала в дневнике: «Раухфус (доктор) боится, что будут последствия у великой княгини Ольги от падения». О царе императрица писала, что «Саша сильно защемил ногу ... потом он несколько дней хромал, и нога его была совершенно черная от бедра до коле-

на». Все остальные, по словам Марии Федоровны, «были с окровавленными лицами и руками, частично это была кровь от ран из-за осколков стекла, но в основном это была кровь тех бедных людей, которая попала на нас». Через несколько дней великий князь Константин Константинович, после встречи 22 октября 1888 г. в Гатчине спасшейся семьи, записал: «они в один голос говорят, что как бы воскресли из мертвых и вступили в новую жизнь. Словно с войны возвращались они с перевязанными руками, головами».

О событиях, непосредственно происходивших в Борках, подробно писал харьковский профессор-хирург В.Ф. Грубе, оказавшийся на месте катастрофы спустя несколько часов. Он вспоминал, что ему стало известно о крушении императорского поезда «в час дня». Сразу же после крушения «немедленно, под непосредственным руководством его величества, приступили к освобождению раненых и убитых под обломками». Из медиков на месте крушения были лейб-хирург императора Г.И. Гирш и ехавший в уцелевшем свитском поезде д-р Раухфус. Фельдшер Чекувер погиб при крушении. Первичную помощь раненым оказывали также военный врач 121-го Пензенского полка, д-р Бирюкович и два фельдшера. Грубе пишет, что шел холодный проливной дождь с пронизывающим ветром, поэтому, чтобы хоть немного согреть раненых, были разве-

дены костры. Для перевязок раненых использовались все подручные материалы и в том числе белье императрицы. Сам император Александр III, несмотря на полученную травму, оставался возле раненых до тех пор, пока все они не были убраны в вагоны.

Медики из Харькова в спешно сформированном санитарном поезде приехали на место катастрофы только в 17 часов 45 мин. После того как поезд с ранеными прибыл в Харьков, их разместили в различных городских больницах. По материалам проведенного следствия было установлено, что во время катастрофы погиб 21 человек и ранено 24 человека. Поз-

же из числа раненых умерло двое.

В литературе встречаются самые различные цифры раненых и погибших. Например, в воспоминаниях великой княгини Ольги Александровны, которая на момент катастрофы была ребенком, упоминается «281 человек раненых». Биограф Александра III А. Боханов пишет о 19 раненых.

19 октября 1888 г. Александр III прибыл в Харьков и посетил всех пострадавших во время катастрофы. Впоследствии профессора В.Ф. Грубе ежедневно запрашивали по телеграфу из Гатчины и Аничкова дворца о состоянии здоровья раненых. В.Ф. Грубе писал, что некоторые из ранений были очень серьезны, и одному из больных была сделана пересадка кожи. Судя по воспоминаниям хирурга, для операции была использована лягушачья кожа. «Всего было трансплантировано 34 кусочка кожи, взятой с брюшной поверхности лягушки, причем только две из них не принялись». В заключении хирург отмечал, что на то время в России не была отработана система оказания медицинской помощи при железнодорожных катастрофах, так как даже лицам, ехавшим в императорском поезде, «первое серьезное медицинское пособие» было оказано только «через 6 часов после катастрофы. Покой и отдых предоставлены им были через 12 часов».

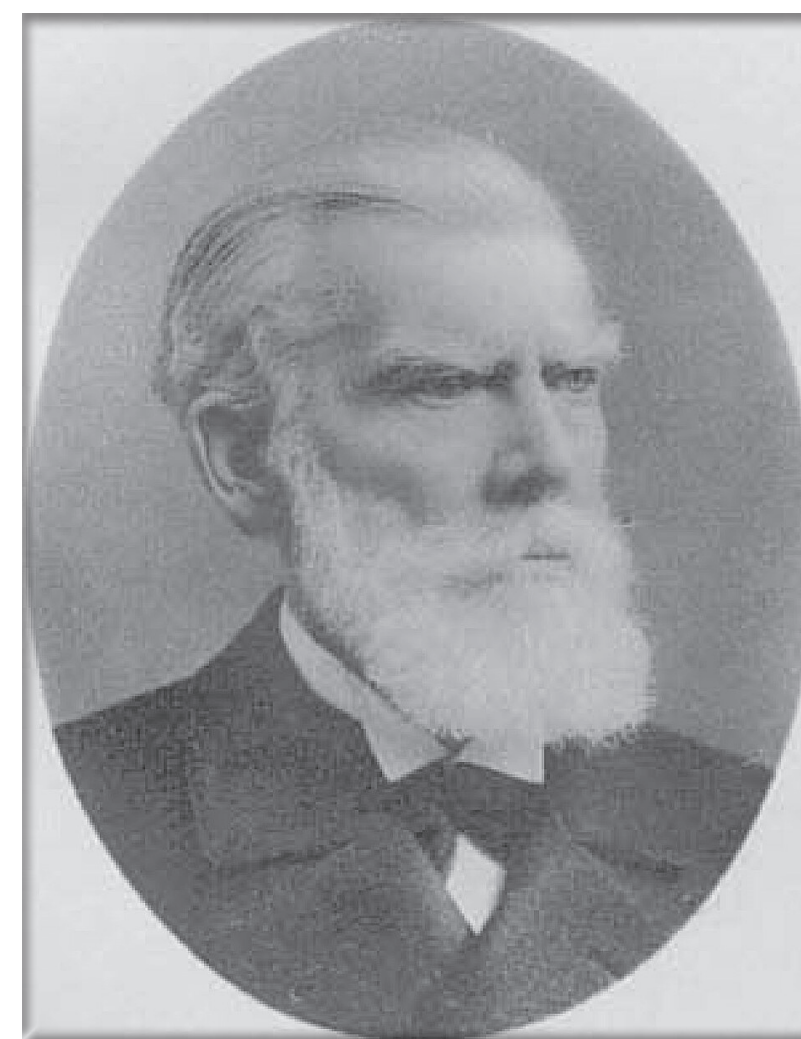
Катастрофа имела трагические последствия и для Александра III, однако

они проявились позже. Витте неоднократно в «воспоминаниях» возвращается к событиям октября 1888 г.: «Он вообще всегда был очень бледен и имел вид малокровный; в особенности же он стал выглядеть болезненным после катастрофы в Борках». «Говорили, что у государя болезнь почек; многие приписывали эту болезнь тому, что он надорвал себя во время катастрофы в Борках при крушении императорского поезда». О причинах этой болезненности было известно многим. Художник В.А. Зичи, постоянно сопровождавший царскую семью, писал, что после катастрофы «у Государя оказался сплюснутый серебряный портсигар в кармане с правой стороны». Витте также отмечает: «...некоторые думают, что и болезнь, от которой он по-

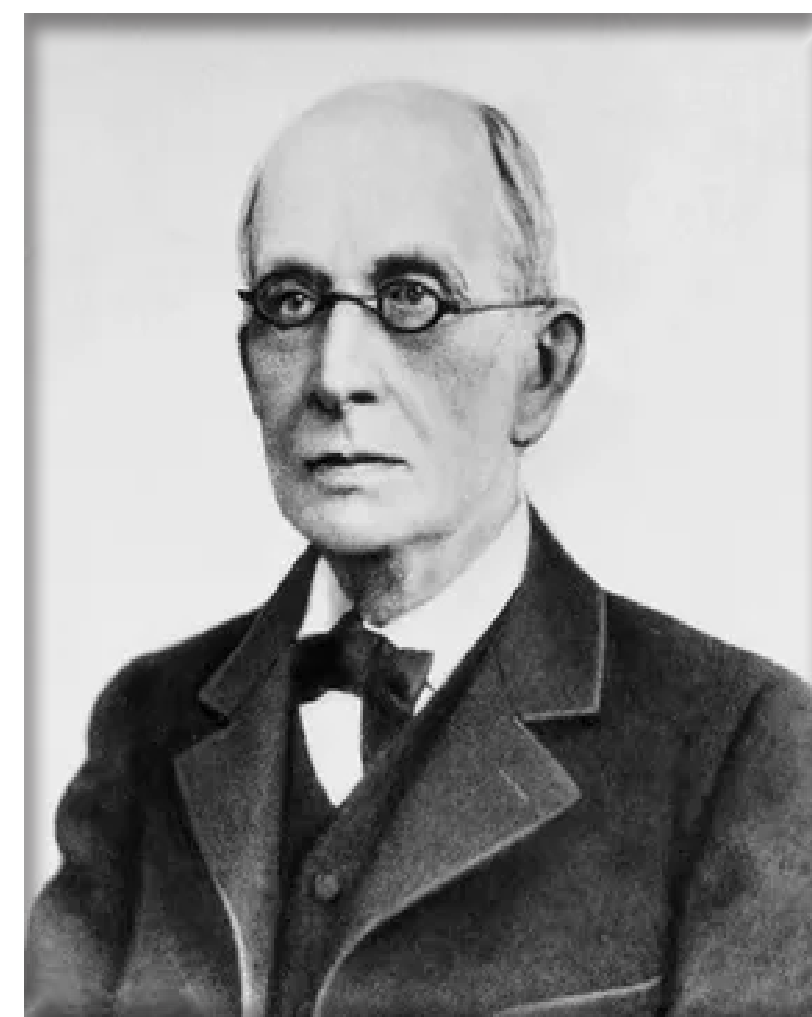
чил, была результатом этого потрясения». Граф С.Д. Шереметев упоминал, что когда царь после катастрофы посетил успенский собор московского кремля, то он «слегка хромал» и в соборе «с трудом становился на колени». Наиболее авторитетно здесь свидетельство проф. В.Ф. Грубе, которого, по словам проф. Н.А. Вельяминова, Александр III «очень любил и уважал ... после того, как лично видел его отношение к раненым при катастрофе в борках». Грубе писал, что во время его пребывания в Петербурге в январе 1889 г., то есть спустя два с половиной месяца после катастрофы, он был принят в Аничковом дворце. Александр III

Жетон в память о катастрофе в Борках

Профессор В.Ф. Грубе

Обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев

жаловался ему, что «со дня крушения ощущает боль в правом бедре, как раз в том месте, против которого приходилась папиросница в кармане брюк, а также в пояснице и выше, причем подробно и точно указал мне все места, где ощущались боли». И он поэтому утверждал: «я глубоко убежден, что его недуг, приведший к роковому исходу, ведет начало со времени крушения поезда. Страшное сотрясение всего тела при падении коснулось особенно области почек. Указание на определенные точки, сделанные государем во время беседы со мной 11 января 1889 г., служат главной основой такого моего мнения».

На травму, перенесенную в октябре 1888 г., наложился грипп, которым Александр III переболел в ноябре 1889 г. К.П. Победоносцев в письме указывал, что царь нездоров и болеет болезнью, которая «теперь поражает почти всех». Из дневниковых записей В.Н. Ламздорфа также следует, что болезнь протекала долго и тяжело. В середине ноября 1889 г. он зафиксировал, что «Государь настолько захворал, что был вынужден лечь в постель ... наследник-цесаревич застал в Гатчине почти всех членов императорской семьи схватившими в большей или меньшей степени инфлюэнцу».

Царь проболел и весь декабрь 1889 г. В середине декабря Александр III счел необходимым извиниться перед своими сотрудниками. Так, он писал министру иностранных дел: «я так скверно себя чувствую, что не был бы в состоянии выслушать доклад и поэтому ничего не дал вам знать». В январе 1890 г. В.Н. Ламздорфу передавали, что «государь плохо выглядит; он бледен и желт». Наконец, 4 февраля 1890 г. Ламздорф сам увидел монарха, уже начавшего работать в полную силу, и он был поражен его бледностью. У царя был восковой цвет лица с желтоватым оттенком. И чиновник справедливо задавался вопросом: «неужели это все еще последствия инфлюэнцы?».

Можно только предполагать, что на последствия травмы спины и почек, полученной в Борках, наложился грипп, который мог повлечь какие-либо осложнения или сыграть роль «детонатора» в развитии будущей болезни.

На это прямо указывают слова самого Александра III, который писал К.П. Победоносцеву: «...чувствую еще себя отвратительно; 4 ночи совсем не спал и не ложился от боли в спине. — Сегодня, наконец, спал — и лучше, но глупейшая слабость».

Катастрофа в Борках еще достаточно долго напоминала о себе и другим членам семьи Александра III. К середине января 1889 г. не прошел ушиб руки у императрицы. Особенно родителей заботило состояние шестилетней великой княжны Ольги, «которая испытывала после катастрофы непреодолимый страх ко всякого рода езде». Спустя четыре года В.Н. Ламздорф записал в дневнике в январе 1892 г.: «В городе уже говорят, что известного массажиста (австрийский массажист Мацгер) выписали вовсе не для императрицы, а для молодых княжон, т.к. Ксения Александровна имеет нарост на боку, а Ольга Александровна несколько кривобочка, после того как она упала в Борках».

В начале 1890-х гг. отношение к медицине и медикам у Александра III начинает меняться. В 1880-х гг. он, будучи молодым и здоровым человеком, неоднократно говорил своему окружению, что медицина «бабье дело». Отчасти это отношение поддерживала и императрица, которая, впрочем, сама внимательно следила за своей внешностью и здоровьем.

«Скучная инфлюэнца».

Январь 1894 г.

За годы правления Александра III о нем сложилось представление как об очень здоровом, физически сильном человеке, и это действительно было так. Все мемуаристы в один голос утверждали, что император почти никогда не болел. Поэтому его серьезное заболевание в начале 1894 г. было настоящим потрясением для ближайшего окружения. Подсознательно все были настроены на долгое твердое царствование, да и Александру III было только 49 лет. Витте, рассказывая о событиях 1890 г., отмечает, что царь «в то время, несомненно, не думал о близкой своей смерти — его воловье здоровье не давало к тому никаких поводов». Вместе с тем биографы царя упоминают,

что первые проблемы со здоровьем у Александра III появились еще в начале 1892 г. Первый серьезный звонок прозвенел в августе 1893 г. В сентябре А.В. Богданович записала, что «у царя заболела голова, пошла кровь носом, и он три дня пролежал в постели». Поводом к этому послужила бурная сцена между Александром III и цесаревичем по поводу его намечавшейся женитьбы. Наверное, у него резко повысилось артериальное давление.

В январе 1894 г. царь заболел «скучной инфлюэнцей», переросшей в пневмонию. Он недомогал еще с рождества, но «перемогался, выезжал, отказывался упорно лечиться». Уже в начале января он, недомогая, показывался на приемах, и все обращали внимание на «необыкновенный, странный, восковой цвет его лица». Только 13 января царя с трудом уговорили лечь в постель и допустить Гирша. Видимо, Александру III было совсем худо, поскольку с этого же дня он перестал принимать доклады министров.

Поскольку состояние здоровья царя начало внушать серьезные опасения, то по настоянию царицы были вызваны квалифицированные медики, которые могли заменить старого Гирша. 15 января 1894 г. императрица вызвала проф. Вельяминова в Аничков дворец к 17 часам и сообщила, что царь уже несколько дней чувствует себя нездоровым. Гирш диагностировал инфлюэнцею, но считал возможным начало процесса воспаления легких. Поскольку

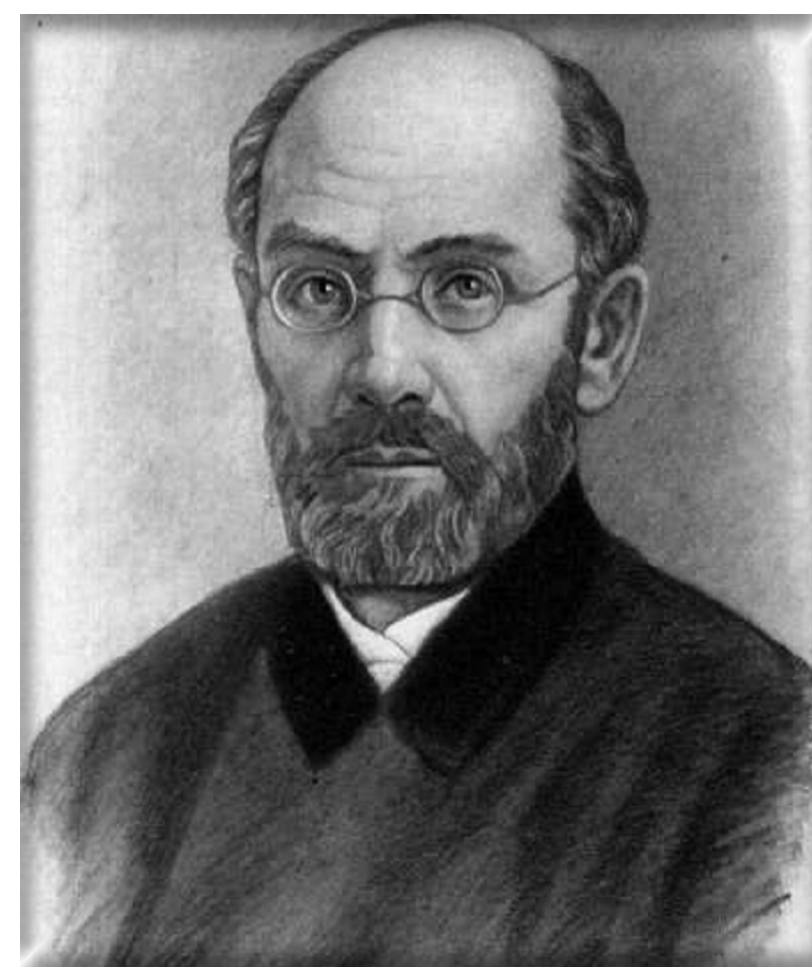

А.В. Богданович

Александр III не любил чужих людей в своем личном окружении, а Гиршу, как врачу, при серьезных проблемах со здоровьем он не доверял, то императрице с большим трудом удалось уговорить его позволить пригласить хирурга Вельяминова. Его Александр III хорошо знал и, безусловно, доверял как человеку и как врачу. Победоносцев в письме к великому князю Сергею Александровичу подчеркивал, что император «ни за что не хочет звать еще доктора — и в этом огромное затруднение». Температура в этот день поднялась до 39,2. Александр III чувствовал себя очень плохо: «то вскакивал он на кровати, задыхаясь, и страшно было на него смотреть».

Вельяминов проконсультировался с Гиршем, который подтвердил свои подозрения по поводу возможного воспаления легких. После этого они осмотрели императора, который «без противодействия разрешил себя выслушать, хотя точно исследовать его сердце нам не удалось. Мы с Гиршем нашли, при очень высокой температуре, гриппозное воспалительное гнездо в легком, о чем я и доложил императрице и Министру двора». Надо отметить, что императора лечили два хирурга и поэтому, по предложению Вельяминова, во избежание толков, было принято решение пригласить авторитетного терапевта. Но в этот день Александр III не позволил приглашать незнакомого врача. Поскольку Вельяминов, как хирург, считал себя недостаточно компетентным в терапевтических вопросах, то он предложил себя императрице в качестве сиделки, свидетеля, доверенного лица всех действий врачей. В этот же день Ламздорф записал в дневнике: «...что же творится в Аничковом дворце? Оболенский через свою невестку знает, что вчера вечером государь вынужден был лечь в постель; неужели он настолько болен, что его не хотят беспокоить по поводу телеграммы кайзеру Вильгельму, которая в полностью готовом виде находится у государя двое суток?».

16 января 1894 г. в 10 часов утра министр императорского двора граф И.И. Воронцов-Дашков, приехав во дворец, сообщил, что еще вчера он вызвал из Москвы терапевта проф. Г.А. Захарьина якобы для себя и он должен приехать около 11 часов курьер-

Лейб-медик Г.А. Захарьин

ским поездом. Александр III, узнав об этом, рассердился, но уступил. Видимо, уступчивости императора способствовало то, что Захарьин был уже знаком царю, который познакомился с известным врачом, будучи еще цесаревичем. По свидетельству графа С.Д. Шереметева, уже тогда Захарьин произвел на царя благоприятное впечатление.

В 12 часов медики (Г.И. Гирш, Н.А. Вельяминов и Г.А. Захарьин) сумели только поверхностно обследовать царя, состояние которого оставалось прежним. В результате Захарьин подтвердил поставленный диагноз и назначил лечение, которое царь согласился выполнять. Поскольку Вельяминов заканчивал медицинский факультет московского университета, то мог считать себя учеником знаменитого терапевта Г.А. Захарьина, с Г.И. Гиршем же знаменитый терапевт «почти не считался». Вельяминов в разговоре с Захарьиным определил свое положение, как положение ассистента или сестры милосердия, исполняющего лишь предписания специалиста.

Так как по городу уже начали распространяться самые невероятные слухи о болезни царя, то Вельяминов предложил выпускать бюллетени за подписью министра императорского двора. Отношение к появлению бюллетеней среди окружения царя было разное. Победоносцев, соглашаясь с появлением бюллетеней, рекомендовал «избегать торжественности в молебствиях и всякой огласки в печати: пусть все молят-

ся, но без парада, дабы не дать пищи толкам ... газеты надо воздержать в публикациях ... чтобы не смели печатать по поводу болезни ничего, кроме официальных бюллетеней». Ламздорф отреагировал на это записью в дневнике (17 января): «Газеты поместили на видных местах бюллетени о здоровье государя, которое внушает опасения. Как сообщают, ввиду появления некоторых тревожных симптомов граф Воронцов-Дашков с согласия государыни телеграфно вызвал из Москвы профессора Захарьина. Состояние государя оказалось весьма серьезным, и вчера вечером профессор составил бюллетень, опубликованный сегодня в печати».

Не у всех из царского окружения выдерживали нервы. По словам Ламздорфа, «вчера около часа дня великий князь Владимир, выйдя из комнаты государя, расплакался и ужасно напугал детей его величества, сказав, что все кончено и остается только молиться о чуде». Победоносцев добавляет, что великий князь Владимир, «не распознав хорошо докторские речи, бросился со слезами на глазах к цесаревичу, к великой княжне Ксении, уповав, что все кончено и надежды нет, и произвел ненужную панику». Но в записках цесаревича Николая нет и следа этой «паники». Николай в дневниковых записях отметил только: «Папа стало лучше. Утром температура была та же, что и вчера вечером; глаза и лицо имели более нормальное выражение... По временам у него являлись сильные приступы кашля; при этом выделялось много мокроты. Температура была 38,1».

В записках Г.А. Захарьина, посвященных событиям января 1894 г., подчеркивалось, что «ежедневно производились ... тщательные химические и микроскопические исследования. В первые 3–4 дня было замечено ничтожное количество белка в почечном отделяемом, как обыкновенное явление при острых лихорадочных болезнях, но не было так называемых цилиндров, за сим белок исчез и до моего отъезда, в течение более недели, не появлялся, равно и цилиндры... Сердце было нормальное и деятельность его во все время было удовлетворительное».

По сведениям Победоносцева, к 18 января «все во дворце успокоилось». К

этому времени Александр III смирился с неизбежной медицинской помощью. Он стал, по словам Победоносцева, «совершенно послушен и принимает все лекарства, которые подносят ему».

В начале 20-х чисел января здоровье царя начало поправляться. В эти дни он впервые встал с постели. Поскольку за время болезни царя накопилась целая гора нечитанных докладов и отлаженный механизм, замыкавшийся лично на императора, остановился, то «цесаревич смотрел некоторые доклады». По свидетельству Вельяминова, царь счел себя здоровым уже к 25 января 1894 г. Но он еще долго чувствовал слабость и разбитость, тем не менее при первой же возможности возобновил свой напряженный рабочий ритм. Несмотря на выздоровление, царь продолжал чувствовать резкий упадок сил, и ему было очень тяжело восстановить привычный напряженный ритм работы с документами. По свидетельству графа С.Д. Шереметева, царь, принимаясь за дела, сказал, не обращаясь ни к кому: «Опять каторжная жизнь начинается!».

Подводя итоги этого эпизода, необходимо сказать, что Александр III с недоверием относился к медикам и не желал осознавать серьезность своего положения, избегал систематического лечения. Это отмечали многие мемуаристы. Например, В.П. Обнинский писал, что «Александр III принадлежал к числу тех, кто не любил думать о своем здоровье, скрывая по возможности всякое недомогание». Витте сообщал, что профессор Захарьин, которого он знал лично, «очень жаловался на то, что вообще император Александр III не исполняет того режима и лечения, которые ему предписаны, т.е. что он мало придает значения советам докторов». Вельяминов подчеркивал, что Александр III был «типичный наследственный артритик с резкой склонностью к тучности... При этом государь никогда не подвергался лечению водами и хотя бы временно противоподагрическому режиму», и его смертельная болезнь не была бы неожиданностью, «если бы врачи-терапевты не просмотрели бы у государя громадное увеличение сердца (гипертрофия), найденное при вскрытии. Этот промах, сделанный Захарьиным, а потом и Leydenom объясняет-

ся тем, что государь никогда не допускал тщательного исследования себя и раздражался, если оно затягивалось, поэтому профессора-терапевты всегда исследовали его очень поспешно». Современные исследователи справедливо отмечают, что обстоятельного обследования в январе 1894 г. проведено не было и врачи не разглядели острую форму сердечной недостаточности.

26 января Александр III почувствовал себя поправившимся и в этот день медиков не принял. Медики, участвовавшие в лечении царя, были соответствующим образом награждены: Г.А. Захарьин получил орден Александра Невского и 15 000 руб., его ассистент доктор Беляев – 1500 руб., Н.А. Вельяминов был удостоен звания почетного лейб-хирурга. Поскольку он был четвертым врачом, числившимся при главной квартире со времени ее основания, то это решение принималось непосредственно Александром III. Кроме этого, в апреле 1894 г. он, по решению министра императорского двора И.И. Воронцова-Дашкова и с ведома царя, был назначен инспектором придворной медицинской части.

Последнее лето Александра III

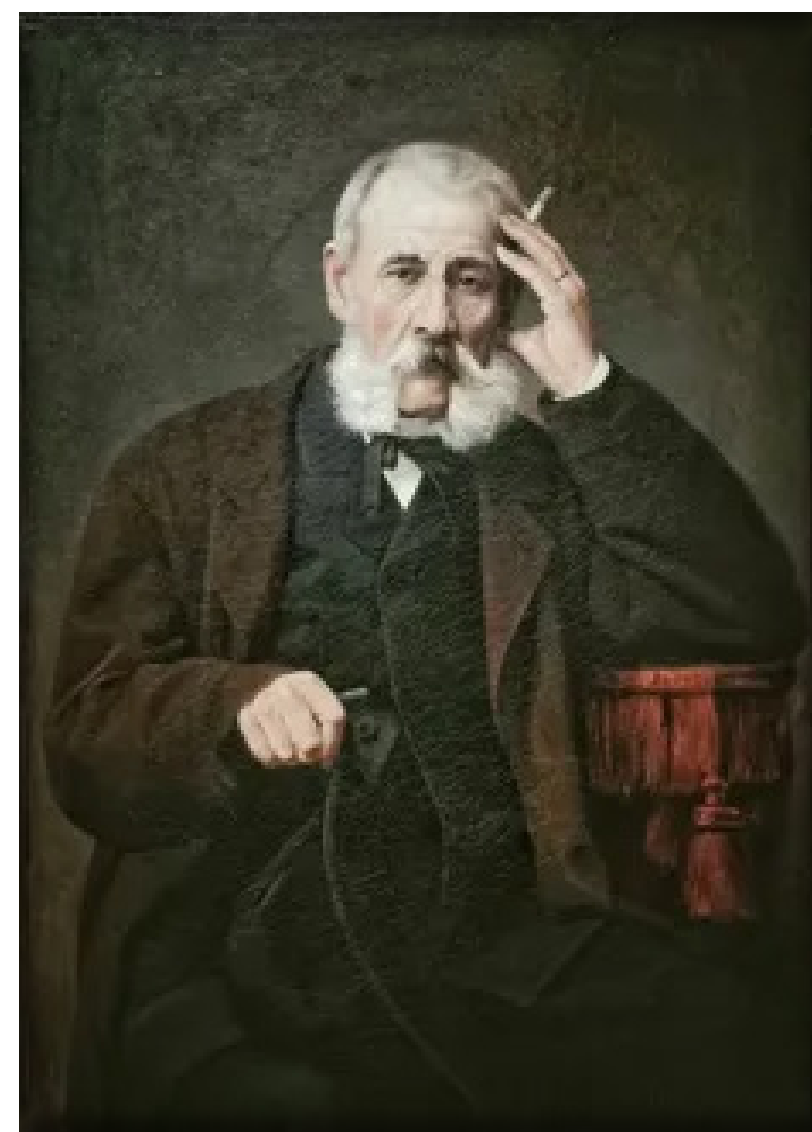
Зимой 1894 г., после того как Александр III начал появляться на людях после болезни, многие современники отмечали, что внешний облик императора резко изменился. Витте писал: «...болезнь его была явной для всех лиц, имевших счастье видеть его в обыкновенной обстановке». Он также добавлял, что «в течение времени, от пасхи до моего последнего всеподданнейшего доклада (который был, вероятно, так в конце июля и в начале августа) болезнь государя уже сделалась всем известной». Ламздорф в дневнике в феврале 1894 г., описывая бал в Зимнем дворце, отмечал: «наш монарх выглядит похudevшим, главным образом лицом, его кожа стала дряблой, он сильно постарел».

Весной и в начале лета, несмотря на нездоровый вид императора, казалось, что его состояние стабилизировалось. Квалифицированных медиков в это время, за исключением Г.И. Гирша, рядом с ним не было. Нездоровый вид императора бросался в глаза всем, не только

тем, кто не видел Александра III давно, но и тем, кто видел его часто. видный чиновник Министерства императорского двора В.С. Кривенко писал, что во время празднования летом 1894 г. свадьбы дочери царя, великой княжны Ксении Александровны и Александра Михайловича, во время спектакля в летнем театре при появлении в ложе императора «соседи и я были поражены его болезненным видом, желтизной лица, уставшими глазами. Заговорили о нефрите».

Лечение императора велось на уровне попыток введения в ежедневное меню элементов диетического питания. в середине мая 1894 г. Мария Федоровна упоминает: «...очень рада, что ты, наконец, стал пить горячее молоко с Эмсом». Под «Эмсом» имелась в виду эмская минеральная вода, которая в конце XIX в. считалась очень полезной при лечении катара верхних дыхательных путей.

Следующий кризис в состоянии здоровья Александра III пришелся на начало августа 1894 г. как свидетельствует генерал Н.А. Епанчин: «7 августа около 5 часов дня Государь посетил наш полк в лагере при красном селе ... Мы во время парада заметили, что Государь производил впечатление больного человека. О болезни Государя было уже известно, но когда он вошел в собрание, нам сразу стало очевидно, что он чувствует себя весьма плохо. Он не

Лейб-хирург Г.И. Гирш

без труда передвигал ноги, глаза были мутные, и веки припухшие... Когда Государь уехал, мы все с горечью и тревогой обменивались впечатлениями. На другой день во время беседы с цесаревичем на призовой стрельбе я спросил его, как здоровье государя, и сказал, что вчера все мы заметили болезненный вид Его Величества. На что цесаревич ответил, что Государь уже давно чувствует себя плохо, но что врачи не находят ничего особенно угрожающего, но они считают необходимым, чтобы Государь уехал на юг и меньше занимался делами. У Государя неудовлетворительно действуют почки, и врачи считают, что это в значительной степени зависит от сидячей жизни, которую последнее время ведет Государь».

К медикам все же пришлось обратиться, после того как на учениях в красном селе царю стало очень плохо от резкой опоясывающей боли в пояснице. Из Москвы в Петергоф был срочно вызван Г.А. Захарьин. Он прибыл туда 9 августа 1894 г. в сопровождении проф. Н.Ф. Голубова и из письма Г.И. Гирша уже знал, что у царя в июле было отмечено присутствие белка в моче. После проведенных исследований выяснилось, как пишет Г.А. Захарьин, «постоянное присутствие белка и цилиндров, т.е. признаков нефрита, некоторое увеличение левого желудочка сердца при слабоватом и частом пульсе, то есть признаки последовательного поражения сердца, и явления уремии (зависящие от недостаточного очищения почками крови), бессонница, постоянно дурной вкус, нередко тошнота». Врачи сообщили о диагнозе императрице и Александру III, не скрывая, что «подобный недуг иногда проходит, но в высшей степени редко». Фактически это был приговор. По мемуарным свидетельствам, Александр III ответил Захарьину: «да, но разве это важно для императора». Императрица Мария Федоровна сделала врачу выговор за его резкость в постановке диагноза, на что старый врач отвечал: «я знаю, что я говорю». В те же дни Вельяминов (как он пишет 8 или 9 августа) был принят царем, и, уже зная свой диагноз, Александр III «говорил о своем здоровье неохотно».

О заболевании императора по дипломатическим каналам моментально ста-

ло известно в Европе, и цесаревич Николай в письме к своей невесте Алисе Гессенской уже 11 августа 1894 г. с удивлением спрашивал: «Как ты узнала, что мой отец не совсем здоров? Я и от бабушки (английская королева Виктория) получил телеграмму. Она спрашивает о его самочувствии. Но, слава богу, можно не волноваться. Это перенапряжение – он работал все эти годы по ночам. Старый доктор из Москвы говорит, что он должен пару месяцев отдохнуть и на некоторое время переменить климат. Поэтому ему будет полезно поехать в Польшу, где сухой воздух. Бедный папа очень расстроен, теперь он попал в руки докторов, что само по себе уже не весело. Но не всегда можно этого избежать. Он реагирует острее, чем другие, потому что болел всего два раза в жизни – 22 года назад и прошедшей зимой». В этот же день он записал в дневнике, что «Захарьин долго сидел у папа».

Однако через несколько дней, 16 августа, в очередном письме к невесте цесаревич более подробно пишет о здоровье отца: «...мне не нравится, как выглядит дорогой папа, он так кашляет, они говорят, у него раздражено горло. К тому же, он почти не спит, всего пару часов, что, конечно, выбивает его из колеи на целый день – подумать только, что это результат чрезмерной работы

по ночам и нередко до 3-х часов утра!.. Почти все, что он любит, – фрукты, молоко и т.п. – теперь вызывает отвращение, хотя ленч и обед он съедает с аппетитом; но к чаю и кофе не прикасается. При этом у него, к счастью, нет никаких болей, доктора говорят, что ему необходимо покой и, конечно, сон; но эта проклятая слабость – вот что мне не нравится. Но, Бог даст, с переменой места, климата и образа жизни это его недомогание пройдет, как прошло зимой».

Захарьин в своих записках объяснял столь резкое ухудшение здоровья Александра III тем, что тот не выполнял предписаний врачей, то есть «постоянное утомление умственными занятиями, а весьма нередко и телесное, постоянно недостаточный сон, частое пребывание на воздухе во всякую погоду; роковое же влияние на развитие и быстрый ход болезни имели крайне холодное и сырое лето и еще более сырой и холодный нижний этаж государственного помещения в Александрии (около Петергофа), в особенности находившаяся в этом этаже опочивальня, наиболее холодная и в высшей степени сырая. Государь не выносил жары и всегда искал прохлады». О климате пишет также К. Головин. Он упоминает, что Захарьин советовал Александру III избегать холодной сырости Петербур-

Дворец «Коттедж» в парке «Александрия». Петергоф

га, которая делалась еще более опасной «благодаря антигигиеническим условиям дворца в Александрии».

Императорский дворец «коттедж» в Петергофе, построенный в 1826–1829 гг. архитектором А.А. Менеласом, предназначался для проживания царской семьи в летние месяцы. С архитектурной точки зрения здание было безупречно и для своего времени достаточно комфортабельно. Но, как отмечали многие современники, близость к финскому заливу влекла за собой, действительно, повышенную сырость.

Необходимо отметить, что в августе никаких официальных сообщений о резком ухудшении состояния здоровья Александра III не публиковалось, что еще более подогрело слухи. Вельяминов отмечал, что он «относился к этим слухам с большой долей сомнения, ибо не допускал, что министр двора и другие приближенные не сумеют настоять на необходимости официально оповещать Россию о состоянии здоровья царя».

После того как здоровье императора несколько стабилизировалось, он с семьей по совету Захарьина переехал сначала в Беловеж, а затем в Польшу, в охотничье имение Скреневицы близ местечка Спала. Надо заметить, что и там условия были далеки от идеальных, требующихся для лечения царя. Видимо, Александр III не хотел выбиваться из привычного ритма своих сезонных поездок. Как писал Ламздорф в сентябре 1894 г., «дворец в беловежской пуще, на строительство которого было затрачено 700 000 рублей, получился сырым; Захарьин пришел к выводу, что пребывание в нем было очень вредным». Кроме этого, царь не хотел соглашаться с тем, что он серьезно болен, и пытался вести привычный образ жизни: занимался государственными делами и ходил на охоту. Поэтому уже в начале сентября заболевание обостряется. Как записала в дневнике 7 сентября 1894 г. А.В. Богданович, «в Беловеже, на охоте, он простудился. Началась сильная лихорадка. Ему предписали теплую ванну, в 28 градусов. Сидя в ней, он охладил ее до 20 градусов, открыв кран с холодной водой. Пошла в ванне у него горлом кровь, сделался с ним там же обморок, лихорадка увеличилась. Царица дежурила до 3-х часов ночи у

Беловежский дворец. 1900 г.

его постели». Срочно из Москвы был вызван Захарьин, который, по словам Вельяминова, «высказал очень мрачное предположение, но странным образом, опять уехал, оставив там за себя, кроме Гирша, своего ассистента, никому не известного доктора Попова». Там же, в Беловеже, 8 сентября 1894 г. Александр III написал последнее письмо к дочери Ксении Александровне в Крым, в котором описывал свое самочувствие: «с тех пор, что переехали сюда, чувствую себя немного лучше и бодрее, но сна никакого, и это меня мучит и утомляет ужасно, до отчаяния... Здесь я почти каждый день на охоте ... Сажу на строгой диете. И ничего мясного. Даже рыбы не дают, а добавок у меня такой ужасный вкус, что мне все противно, что я ем или пью».

Болезнь императора быстро прогрессировала, и Захарьин высказывал крайне пессимистические прогнозы. Он предложил как можно быстрее переехать на юг и присоединился к диагнозу, поставленному Гиршем: «хроническое интерстициальное воспаление почек». Много лет спустя, в конце 50-х гг. XX в., великая княгиня Ольга Александровна вспоминала о приезде Захарьина. Эти воспоминания ребенка носили негативный характер, или же разговоры взрослых наложили от-

печаток на детское восприятие: «я до сих пор помню его... Знаменитый этот специалист был маленьким толстеньким человечком, который всю ночь бродил по дому, жалуясь, что ему мешает спать тиканье башенных часов. Он умолял папа остановить их. Думаю, что от его приезда не было никакого толка. Разумеется, отец был невысокого мнения о враче, который, по-видимому, был главным образом занят собственным здоровьем». Вряд ли эти детские воспоминания соответствовали действительным отношениям, сложившимся к сентябрю 1894 г. Между царем и Захарьиным. Поскольку климат Беловежа был не безопасен для императора, то вскоре было принято решение переехать в имение Скреневицы. И уже там к Александру III был приглашен из Германии профессор Лейден.

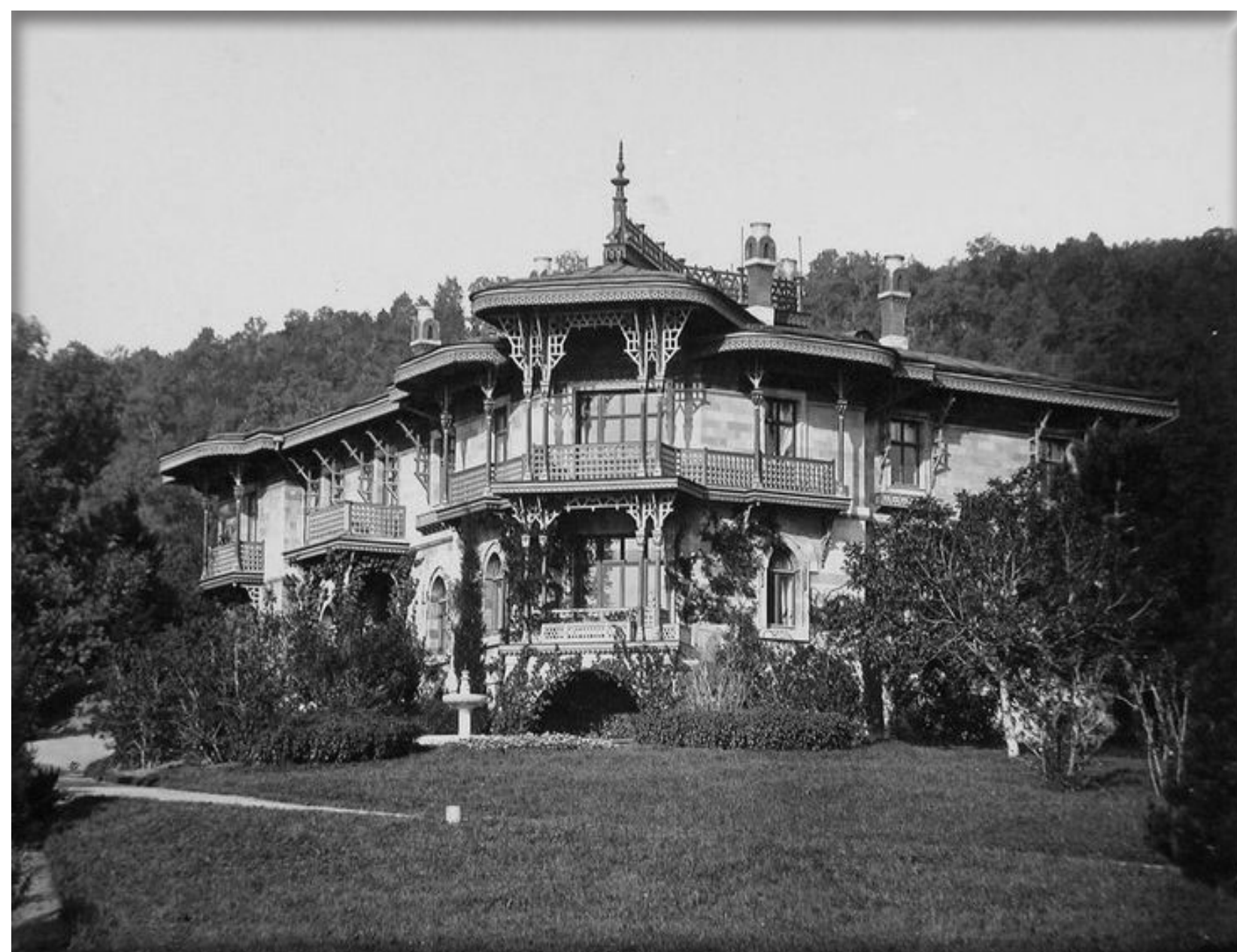
15 сентября 1894 г. несколько человек отметили в дневниковых записях. Цесаревич Николай записал в этот день: «мама объявила папа о приезде Лейдена и просила его позволить тому сделать осмотр, на что папа сначала не соглашался, но под конец он сдал убедительным доводам дяди Владимира. Лейден нашел у папа воспаление почек в том состоянии, в котором их увидел Захарьин, но, кроме того, и нервное расстройство, переутомление

от громадной и неустанной умственной работы. Слава богу, что папа подчинился всем его требованиям и намерен слушаться его советов». В этот же день в письме к невесте он писал о Лейдене: «доктор очень хороший и действует успокаивающе – он сказал, что находит состояние папа лучше, чем думал, и что слабость вызвана не только болезнью (что-то в почках), но и общим состоянием нервной системы».

Удивительно оперативно информированная А.В. Богданович записала в дневнике в тот же день, но только в Петербурге: «приглашен к царю из Берлина профессор Лейден ... Специалист по болезни почек, и указали на него принц Альтенбургский и генерал Вердер. У царя, оказывается, нефрит – болезнь почек».

Сам Лейден впоследствии вспоминал, что на его имя пришла депеша из Спалы, в которой его приглашали к тяжелобольному адъютанту государя. Так как имя его не было обозначено, а Лейден знал, что царь тяжело болен, то он тут же понял, что адъютант выставлен только за тем, чтобы болезнь Александра III не стала достоянием гласности. Лейден выехал сразу же по получении телеграммы, и в этом ему помогли германское посольство и консульство в Вене. В Спале его встретил Гирш, по словам Лейдена, «очень предупредительный господин, с изысканными манерами». Лейден подчеркивал, что, несмотря на плохое самочувствие, царь не оставался в постели: «Я нашел его сидящим в кресле».

Лейден пробыл в Спале только два дня, с 15 по 17 сентября 1894 г., и на совещании с лейб-медиками «было решено, что пациент, чувствовавший себя несколько лучше после исполнения моих советов, отправится на зиму в Крым, в Ливадию и предоставит себя южному теплу и влиянию морского климата». Первоначально речь шла о поездке в Египет, затем в качестве одного из вариантов рассматривалась поездка на виллу Монрепо на остров Корфу, которая была предложена королевой эллинов Ольгой Константиновной. Но император, звавший перспективы, связанные с его диагнозом, ответил на эти предложения, что если ему суждено умереть, «то русский царь дол-

Малый Ливадийский дворец

жен умереть в России», и только после этого была решена поездка в Ливадию.

Надо заметить, что Г.И. Гирш, обычно везде сопровождавший царя, в этот момент покинул его и уехал в отпуск. Видимо, все понимали, что его услуги, которые устраивали, когда все были здоровы, не устраивали императрицу при серьезной болезни царя. Вельяминов замечает, что «Гирш заболел и, якобы по болезни, уехал в отпуск; потом я узнал, что у него действительно был припадок подагры, и он, считая себя обиженным общим к нему недоверием, воспользовался случаем и отпросился в отпуск, хотя это, казалось бы, не вовремя. Захарьин и Лейден уехали, и царская чета осталась на руках доктора Попова».

Ливадийский закат

17 сентября 1894 г. в официальном «правительственном вестнике» появилось первое тревожное сообщение, что «Здоровье Его Величества, со временем перенесенной им в прошлом январе инфлюэнцы, не поправилось совершенно, летом же обнаружилась болезнь почек (нефрит), требующая, для более успешного лечения в холодное время года, пребывания Его Величества в теплом климате. По совету профессоров Захарьина и Лейдена, Государь отбывает в

Ливадию, для временного там пребывания». В этот же день доктор Захарьин уезжает в Москву, а Лейден в Берлин.

18 сентября 1894 г. Царская семья выехала в Крым. Чуть позже в Петербурге была из первых рук получена информация о состоянии царя. Богданович писала 22 сентября: «Царь ежедневно видимо угасает и развязка неминуема... Был камердинер государя Михаил Иванович Гемпель. Про царя сказал, что у него опухли ноги, отдышка, кашель, когда немножко пройдет – сейчас устанет. Лечиться он не любит, доктору Захарьину верит. Лейден с Захарьиным разошлись во мнениях на счет болезни царя. Царь ни на что не жалуется, но видимо тает: такой был полный, здоровый, а теперь совсем худенький».

Из медицинских мероприятий этого периода сохранились упоминания в мемуарах Н.А. Епанчина, который писал, что «по установленному порядку, ежедневно производился анализ мочи и прочих выделений, но Государь относился к этому пренебрежительно, и мне говорил Г.И. Гирш, что Государь бросал в ночную вазу окурки папирос, что, конечно, нисколько не мешало производить анализы, а только несколько усложняло дело. Когда анализы показали неправильное действие почек, Гирш принял все необходимые

меры; были приглашены врачи-специалисты и выписан из Берлина проф. Лейден; он нашел, что главная причина недомогания Государя – отсутствие движения и чистого воздуха, что сидячая жизнь привела к образованию засорений в организме; Лейден говорил, что, как и всех людей, Государя можно сравнить с печкой, в которую кладут топливо, но если не выгребать золу, то внутренность печки засоряется, а могучий организм Александра III нуждался в особенно тщательной чистке».

Императора, при переезде в Ливадию, куда они прибыли в начале 20-х чисел сентября, сопровождал только один малоизвестный московский врач, доктор медицины П.М. Попов, которому был 31 год. Поскольку процесс болезни развивался обвальными темпами, то императрица опять собрала вокруг Александра III медиков. Как писал Лейден: «...едва я возвратился в Берлин, как получаю через дружественно расположенного ко мне русского посла гр. Шувалова извещение, что император Александр III желает моего присутствия в Ливадии». Лейден не делал особого секрета в том, что о состоянии здоровья русского императора он подробно информировал своего монарха Вильгельма II, понимая, что состояние здоровья русского царя является важнейшим фактором политической стабильности Европы. Он писал, что «император Вильгельм принял большое участие в болезни царя и в отпускной аудиенции выразил желание получать непосредственно от меня донесения о состоянии его здоровья».

23 сентября из Гурзуфа Победоносцев направил свое первое письмо великому князю Сергею Александровичу, сообщая ему последние новости, которые он почерпнул от Черевина. Он передал несколько запоздавшие новости о том, что Лейден обнадежил императрицу, и было решено отправиться на о. Корфу. Что Беловеж – нездоровое место, но отъезд оттуда задержался на целую неделю в связи с болезнью (lumbago) императрицы. Победоносцев виделся с императрицей, и она подчеркивала, что царь «стал послушен в лечении». Идея о том, что царю необходимо климатическое лечение, просуществовала до конца сентября.

По крайней мере, еще 29 сентября Победоносцев упоминал, что «отъезд на Корфу, по-видимому, решен. Бенкендорф уже отправлен туда, для приготовлений».

Победоносцев бывал регулярно в Ливадии, но даже его не допускали к государю. Не без его влияния был решен вопрос о регулярных бюллетенях. Сам Победоносцев писал (26 сентября): «Я убеждаю Воронцова сильно, что надо печатать известия о государе – бог знает, что люди думают, и какие идут толки».

Почти одновременно с вызовом Лейдена, 27 сентября, министр императорского двора сообщил Вельяминову: «Государь желает, чтобы вы немедленно приехали в Ливадию». 1 октября в Ливадию приехал Вельяминов, 2 октября Гирш, Лейден и о. Янышев, 3 октября прибыли Грубе и Захарьин. Но в течение недели Александр III находился под присмотром одного Попова.

Император пытался бодриться. Как записал цесаревич 20 сентября: «Папа не спал, но аппетит у него был хороший»; 22 сентября: «Папа принял первую соленую ванну!»; 23 сентября: «...вышел погулять и около часа сидел на скамейке недалеко от дома»; 29 сентября: «У дорогого Папа вид как будто лучше, но самочувствие скверное – его мутит и опухоль на ногах мешает движению». Богданович 30 сентября записала: «Евреин сказал, что царь не бледен, не желт, а у него земляной цвет лица. Говорят, что он ежеминутно засыпает, что без фуражки он страшен своей худобой – виски провалились, щеки осунулись, что одни уши торчат. Теперь здесь оставили царя на 10 дней без серьезного врача».

Действительно, положение Александра III на тот момент было безнадежно, и это было понятно не только медикам, собравшимся на консилиум около царя. Вельяминов указывал, что Захарьин и Лейден неохотно делились с ним объективной медицинской информацией и «только один П.А. Черевин не скрыл передо мною, что положение безнадежно». От княгини А.А. Оболенской Вельяминов узнал, что «пульс за последние дни около 100, опухли ноги, полная бессонница по ночам и сонливость днем, мучительное чувство давления в груди, невозможность лежать, очень

сильная слабость». Выяснилась совершенно парадоксальная вещь: император огромной страны находился практически без правильной медицинской помощи, поскольку несмотря на то, что доктор Попов бывал у императора по два раза на дню и делал назначения, они не исполнялись, так как царь не придавал им значения «в результате больной, в сущности, брошен, живет по своему усмотрению, пользуясь лишь домашним уходом государыни; никакого режима не установлено и врачебного руководства и плана лечения нет». В результате обмена мнениями Вельяминов предложил передать императрице, что необходимо избрать одного врача, которому бы доверял император и который бы организовал уход за больным и соблюдение всех требований медицинского режима и был бы действительно домашним врачом. К тому же необходимо извещать население империи о состоянии здоровья царя, чтобы пресечь распространение слухов и различных политических спекуляций. Кроме того, необходимо удерживать при больном хотя бы одного авторитетного терапевта. С этой программой Вельяминова согласился и О.Б. Рихтер (командующий императорской квартирой). В этот же день окончательно отпал вопрос о возможной поездке царя за границу.

2 октября 1894 г. Вельяминов встретился с Поляковым. Поляков показал ему анализы царя и в очередной раз

Граф Воронцов-Дашков

пожаловался, что тот ничего не исполняет из того, что предписывают врачи. Утром этого же дня Вельяминов также встретился с министром императорского двора графом Воронцовым-Дашковым. Граф был близок с С.П. Боткиным и не доверял «немцам» в медицине, поэтому, считая Вельяминова представителем «немецкой» партии, он предпочитал ему Попова, который на Вельяминова «даже не смотрел, совершенно игнорируя». Во время этого разговора Вельяминов заявил, что Захарьин обязан остаться около умирающего царя, так как «Попов для меня и для России ничто, а я хирург, да и вообще, если бы я был терапевтом, я взял на себя одного ответственность не решился бы».

В этот же день Вельяминов был свидетелем последней прогулки императора, который «так изменился, что я сразу его не узнал; голова совершенно маленькая, что называется с кулачок; шея тонкая, затылка у этого великана не было, настолько он похудел; пальто висело как на вешалке; знаменитых его плеч, богатырской груди и вообще могучего торса как не бывало... Все мне стало ясно – это был умирающий человек».

3 октября 1894 г., по дневниковым записям цесаревича Николая, «подъехало еще двое эскулапов Грубер и Захарьин: так, что их теперь набралось в Ливадии пятеро, те двое, Лейден, Вельяминов и Попов». В.Ф. Грубе был приглашен в Ливадию П.А. Черевиним, знавшим, с каким уважением относится к нему Александр III, познакомившийся с ним во время катастрофы в Борках в 1888 г. Характерно, что о Гирше цесаревич не упоминал, видимо, не считая его за серьезного медика. И сразу же утром состоялся консилиум у постели больного. На него были приглашены Лейден, Захарьин и Вельяминов. Другие врачи, Гирш и Попов, приглашены не были. Как пишет Вельяминов, Александр III был так слаб и сонлив, что засыпал среди разговора. Лейден и Захарьин искали следов царя, впрочем, как отмечает Вельяминов, «довольно поверхностно». В последующем разговоре с императрицей Лейден не скрыл серьезно-сти положения, но «не называя, однако, состояние безнадежным». Сам Лейден писал: «в полдень следующего дня состоялась консультация всех врачей; тут

Императрица Мария Федоровна. 1880-е (портрет Н. Крамского)

был и д-р Захарьин. Это был человек 65 лет, очень сохранившийся, живой, умный, немножко оригинал, притом не без упрямства, вследствие чего общение с ним делалось затруднительным. К сожалению, в итоге нашей консультации, не было ничего утешительного. Поездка на о. Корфу, ради более теплого климата, должна была быть отклонена. По-моему убеждению, она вообще уже не могла быть совершена». В отличие от него, Захарьин «высказал императрице всю правду в очень определенных выражениях, довольно резко и, я бы сказал, грубо...». С Вельяминовым императрица, оставшись наедине, долго беседовала, и они пришли к выводу о необходимости оповестить страну о состоянии царя. Он же принял, как наиболее доверенное лицо, ближайший уход за царем, оставаясь в доме на ночные дежурства и до кончины Александр III «17 дней спал одетым».

В этот же день, 3 октября 1894 г., харьковский профессор-хирург В.Ф. Грубе был приглашен к умирающему царю. Вельяминов, присутствовавший при этой встрече, писал, что царь принял его с удовольствием. Встреча отчасти носила психотерапевтический характер, – профессор незадолго до того переболел подобным заболеванием, и окружение царя считало, что этот визит вселит в Александра III уверенность в возможность выздоровления. «спокойный, очень уравновешенный старик, дер-

жавший себя с чувством собственного достоинства», видимо, действительно подбодрил царя. После встречи с ним Александр III «был очень в духе». Несмотря на слабость, император встал и пошел к нему навстречу. Видимо, царь, невзирая на суету медиков, отчетливо представлял перспективы развития болезни, так как Грубе упоминает оброненную им фразу, что для себя лично он ничего не ждет от пребывания на юге. Опытный хирург Грубе пишет, что «застал картину полного уремиического отравления, когда всякая помощь была более чем сомнительна». Вельяминов подчеркивал такт старого врача, который «не показал ни малейшего желания вмешиваться своими советами и навязывать себя».

Из медицинских мероприятий этого периода упоминается то, что либо императрица, либо Вельяминов делали легкий успокаивающий массаж отекавших и зудящих ног, бинтуя их на ночь, чтобы больной не расчесывал их. Вельяминов упоминал, что Александр III иногда записывался у себя с младшим сыном, великим князем Михаилом Александровичем, «снял бинты и приказывал сыну чесать ему ноги щетками». Врач, как мог, противился этому, но убедить царя отказаться от расчесывания отекавших ног удалось только в последние дни его жизни. В воспоминаниях дочери царя – Ольги Александровны (в которых содержится много неточностей, поскольку записывались они спустя более 60 лет после описываемых событий) – упоминается, что «всегда с недоверием относившийся к наркотикам, император отказывался от всяких болеутоляющих средств». Кроме этого, А.В. Богданович упоминала, что «Грубе возмущен Захарьиным, который отравляет царя приемами digitalis, который ему прописал по телеграфу».

О состоявшемся 3 октября консилиуме уже 4 октября было известно в Петербурге, и Богданович записала в дневнике: «сегодня после консилиума Копыткин сказал Е.В. (муж автора дневника генерал Е.В. Богданович), что надежды нет никакой, что врачи признали болезнь царя смертельной, что теперь только вопрос времени, сколько протянет. Грубе не был допущен Захарьиным на консилиум, были только Лейден, За-

харьин, Гирш и Вельяминов». 4 октября из Ливадии в Петербург была послана телеграмма с просьбой закупить в Лондоне специальное кресло для царя. Уже 10 октября оно было получено в Петербурге и срочно отослано в ливадию.

5 октября 1894 г. в «Правительственном вестнике» был напечатан первый бюллетень о состоянии здоровья Александра III, где приводилось заключение врачей – «берлинского профессора Лейдена, профессора Захарьина, доктора Попова и почетного лейб-хирурга Вельяминова на консилиуме 4 октября о состоянии здоровья Его Императорского Величества. Болезнь почек не улучшилась, силы уменьшились, врачи надеются, что климат южного берега Крыма благотворно повлияет на состояние августейшего Больного». Бюллетени подписывались всеми медиками, бывшими в Ливадии у постели умиравшего царя, однако, несмотря на то, что под ними стояли подписи Г.И. Гирша и П.М. Попова, они не присутствовали ни на консилиумах, ни при составлении бюллетеней.

При составлении бюллетеней учитывалось, что царь лично просматривал газеты, и, чтобы не «отнимать бодрость» у больного, в выпускаемые бюллетени включались не столь угрожающие сведения. Это, в свою очередь, порождало различные толки в обществе, осведомленном из различных источников о действительном положении дел. Хотя, надо отметить, что медики не скрывали серьезности положения и исподволь, взвешивая каждое слово, готовили страну к самому худшему.

Например, 7 октября медики отмечали, что «в состоянии здоровья Государя замечается ухудшение: общая слабость и слабость сердца увеличились». Всего было опубликовано 26 бюллетеней, которые печатались с 5 октября (23 часа) по 20 октября. Последний бюллетень был подписан в 11 ч. 30 мин. Объективной медицинской информации в них очень мало, в основном констатировалось, что «отеки не увеличиваются» (8 октября), что «аппетит и самочувствие немного лучше» (9 октября), что «отеки ног несколько увеличились» (11 октября), что «в течение дня Государь Император кушал мало и чувствовал себя слабее. Обычный

кашель, которым Его Величество страдает давно вследствие хронического катарита глотки и дыхательного горла, усилился и в мокроте показалось несколько крови». Лейден писал, что врачи осматривали царя «по утрам в 9 часов и затем совещались всегда почти до 11; кроме того, мы приходили еще вечером, между 6 и 7». Во время этих совещаний «в суждении о болезни и в том, как ее истолковать, мы бывали, большею частью единомышленны, хотя нет-нет да и сталкивались в отдельных случаях».

8 октября в Ливадию приехали великая княгиня Александра Иосифовна, ее дочь – королева эллинов Ольга Константиновна и о. Иоанн Кронштадтский. Приезд о. Иоанна Кронштадтского был не случаен. Он пользовался громкой известностью не только как блестящий проповедник, но и как целитель. Ближайшее окружение возлагало на него последние надежды.

Цесаревич Николай Александрович запиской сообщил министру императорского двора Воронцову-Дашкову, что «сию минуту произошла перемена – и государь и императрица решили позволить о. Иоанну отслужить обедню там же в 11 утра», и чуть позже уточнил: «Император желает, чтобы о. Иоанн отслужил завтра молебен в малой Ливадийской церкви в 11 часов утра для семейства». Приезд о. Иоанна Кронштадтского был связан с протекцией Александры Иосифовны, поскольку Александр III, по свидетель-

Протоиерей Иоанн Кронштадтский

ству Вельяминова, «не благоволил» ему т.к. «популярничье» он «ненавидел и презирал». Но сам Иоанн Кронштадтский писал, что 11 октября «государь в шинели, встретил меня стоя, хотя отек на ногах не позволял ему стоять».

9 октября Николай Александрович упомянул в дневнике: «Дорогой Папа, хотя спал, но чувствовал себя слабым, доктора были довольны его состоянием. Несколько раз кровь принималась идти из носу». В этот день во время обеда играло два «хора музыки», но после этого Александр III тайно исповедовался и приобщился у своего духовника о. Янышева.

В Петербурге эта временная стабилизация, существовавшая только в бюллетенях, была воспринята с надеждой. Ламздорф записал в дневнике в этот день: «Из Ливадии все еще идут довольно тревожные вести, но, видимо, за последние дни появились некоторые признаки улучшения... В городе начинают поговаривать о свадьбе или, по меньшей мере, об обручении великого князя наследника-цесаревича: это должно произойти в ближайшем будущем, поскольку здоровье государя, видимо, восстанавливается. Тоскливая неопределенность».

10 октября в Ливадию прибыла невеста цесаревича – Алиса Гессенская. Несмотря на отвратительное самочувствие, Александр III счел необходимым немедленно принять невесту своего старшего сына. Впоследствии о. Иоанн писал, что видел наследника с Алисой, которые «сидели лицом к больному и выпускали в уста его из подушки воздух через насос». Императорская чета и Николай с Аликс оставались одни в комнатах в течение 20–30 минут. В этот же день Александр III принял о. Иоанна Кронштадтского. По свидетельству современницы: «войдя к нему, он сказал: «Великий Государь, чем болеешь ты?» они вместе молились, Государь стал на колени. Отец Иоанн провел рукой по больным местам и причинил боль. Государь был очень тронут».

В этот день были и медицинские новости. Отеки на ногах продолжали увеличиваться, сильно беспокоя больного, мешая ему ходить, и после того как медики констатировали появление воды в брюшной полости, Лейден

поднял вопрос о введении под кожу через маленькие разрезы серебряных трубочек (дренажей) для стока жидкости. Захарьин решительно воспротивился этому предложению, так как эта операция, по его мнению, приносила больным мало облегчения и могла вызывать осложнения. Хирург Вельяминов также высказался против возможной операции, однако отметил в своих воспоминаниях: «...чтобы избежать всяких упреков в неподготовленности, я выписал на всякий случай из Петербурга с курьером все нужное, т.е. трубочки и перевязочные средства».

11, 12, 13 октября наряду с обычными слабостью и утомлением, медики констатировали и некоторое улучшение состояния царя, но иллюзий у них уже не было. 14 октября Ламздорф записал в дневнике, что «министр внутренних дел Дурново ... Опираясь на имеющиеся у него сведения ... заявляет, что нет никакой надежды спасти государя, дни которого сочтены. Начиная с момента ухудшения состояния, наступившего десяток дней тому назад, вскрытие и отправку почты, циркулирующей между Петербургом и Крымом, взял на себя великий князь-наследник цесаревич... Как рассказал министр внутренних дел, приняты решительные меры по предотвращению беспорядков, возникновение которых было вероятным, судя по некоторым признакам. Так, например, на юге были сделаны попытки распространять слухи, будто государя лечат почти исключительно врачи евреи (Лейден, Захарьин, Гирш), с целью вызвать в случае катастрофы один из еврейских погромов, которые в дальнейшем послужат отправной точкой внутренних беспорядков». Надо заметить, что революционеры использовали все средства для дестабилизации положения в стране.

15 октября, после того как состояние больного ухудшилось, Алиса Гессенская вписала в дневник цесаревича весьма красноречивые слова, которые в тех или иных вариациях будут звучать на протяжении всего царствования Николая. Заметив, что на цесаревича практически никто не обращает серьезного внимания, даже понимая, что императору осталось жить несколько дней и сам он практически не интересуется объективной медицинской информацией, она

писала: «будь стойким и прикажи доктору Лейдену и другому Гиршу придти к тебе ежедневно и сообщать, в каком состоянии они его находят, а также все подробности относительно того, что они находят нужным для него сделать. Таким образом, ты обо всем всегда будешь знать первым. Ты тогда сможешь помочь убедить его делать то, что нужно. И если доктору что-то нужно, пусть приходят прямо к тебе. Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя. Ты любимый сын Отца, и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всем. Выяви твою личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты. Прости меня, дорогой!» Любопытно, что уже через пять дней после своего приезда Алиса «поставила» себя в отношениях со своим будущим мужем, впервые продемонстрировав свой «характер».

В этот же день Захарьин, изменив свое мнение, потребовал от Вельяминова производства операции, о которой ранее говорил Лейден. Так как Вельяминов отказался принять на себя решение о производстве операции, был приглашен профессор-хирург Грубе, который вновь прибыл, по свидетельству Вельяминова, в Ливадию в 6 часов

утра 17 или 18 октября. Грубе писал: «...я вновь прибыл в Ливадию, вызванный телеграммой, для участия в консилиуме ... На следующее утро я вместе с другими врачами тщательно исследовал Его Величество и высказал ему свое убеждение, что никакой операции не требуется. Это, видимо, его обрадовало». Впоследствии, видимо, в приватной беседе с Вельяминовым, старый хирург объяснил ему мотивы своего решения: «...непонимающая публика, несомненно, скажет, что Государь погиб от неудачной «операции», хотя эту манипуляцию даже нельзя назвать операцией, а виновниками смерти сочтут хирургов... Не беспокойтесь. Мы не так просты, чтобы дать себя подвести: это прием терапевтов, нам хорошо известный; когда они предвидят наступление конца и чувствуют свою беспомощность, они любят передавать активную роль нам, хирургам, чтобы на нас свалить всю ответственность, хорошо зная, что невежественная публика при смерти больного после малейшего оперативного вмешательства всегда склонна объяснить смерть не болезнью и беспомощностью терапевтов, а неудачной операцией, в чем,

Умиравший Александра III с сыном Николаем

Умиравший Александр III в Ливадии, с императрицей

несомненно, виноваты хирурги...».

После осмотра Александра III профессор Грубе и для окончательного решения вопроса о необходимости операции было собрано 18 октября в 23 часа расширенное совещание под председательством наследника. На нем присутствовали все великие князья – братья императора, министр иностранных дел Н.К. Гирс и все врачи. В ходе совещания Захарьин решительно настаивал на операции, «не скрывая однако, что дни августейшего больного, во всяком случае, сочтены». Лейден не высказал определенного мнения. В своих воспоминаниях об этом консилиуме он вообще не упоминает. Профессор Грубе заявил о бесцельности надрезов и дренажей, подчеркнув, что «непозволительно производить бесполезную, хотя бы самую простейшую операцию умирающему монарху». Вельяминов не только отказался делать операцию, но и присутствовать при этом, если за нее кто-либо возьмется. Гирс и Попов отмолчались.

Цесаревич в течение всего совещания, где формально он председательствовал, – молчал. После этого врачей отпустили, и великие князья остались одни. Решение об операции принято не было. Через некоторое время Вельяминов, встретив цесаревича на лестнице, спросил у него об окончательном решении, на что ему было отвечено: «что же вы спрашиваете, вы ведь знаете,

что будет так, как вы, Николай Александрович, это решите». Вечером, уже после того, как у Александра III началось кровохарканье вследствие «инфаркта в легком», цесаревич записал в дневнике, подводя итоги дня: «тяжелый, грустный день! Дорогой Папа вовсе не спал и почувствовал себя худо утром, так что нас разбудили и позвали наверх. Что за испытание? Потом Папа немного успокоился и дремал днем с перерывами. Около 11 часов у д. Владимира было совещание докторов – ужасно!» В этот день в бюллетене на 11 утра было напечатано: «в состоянии здоровья государя императора произошло значительное ухудшение: кровохарканье, начавшееся вчера при усиленном кашле, ночью увеличилось и появились признаки ограниченного воспалительного состояния (инфаркта) в левом легком. Положение опасное». В 10 часов вечера этого же дня в газетах сообщалось: «в течение дня продолжалось отделение кровавой мокроты; был озноб при температуре 37,8; пульс 90 слабоват; дыхание затруднено. Аппетит крайне слаб; большая слабость. Отеки значительно увеличились».

Всем – и медикам, и родным – было понятно, что царь умирает. Но тем не менее 19 октября, за сутки до смерти, Александр III встал в последний раз, оделся и сам перешел в кабинет, к своему письменному столу, где в последний

раз подписал приказ по военному ведомству, и здесь же у него случился обморок. Чувство долга и ответственности перед страной у него было поразительное.

20 октября 1894 г. Император Александр III умер. Сохранились записки Вельяминова, которые он набросал в тот же день. Медики уже ничего не могли сделать и только пытались хотя бы немного облегчить мучения этого сильного человека, делая массаж ног. Практически все последние сутки с ним рядом был Вельяминов. Император находил в себе силы проявить заботу и о враче. «Он непрерывно курил. Предлагал мне курить... Мне так совестно, что вы не спите которую ночь, я вас совсем замучил». Уже утром 20 октября он произнес еще одну характерную фразу: «видно, профессора меня уже оставили. А, вы, Николай Александрович, еще со мной возитесь по вашей доброте сердечной». Цесаревич отметил в дневнике, что «дыхание его было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислород». Лейден писал: «Вскоре началась агония. Позвали нас, врачей. Я стал у изголовья умирающего и подал знак, когда он испустил последний вздох». Так, со смертью Александра III, закончилась целая эпоха в истории России.

В последнем бюллетене было напечатано: «Государь император Александр Александрович в 2 часа 15 минут пополудни, сего 20-го октября, тихо в Бозе опочил». На следующий день, 21 октября, был опубликован официальный диагноз болезни, приведшей к смерти Александра III: «Ливадия, 21 октября 1894 года. Диагноз болезни Его Величества Государя Императора Александра Александровича, приведшей к его кончине. Хронический интерстициальный нефрит с последовательным поражением сердца и сосудов, геморрагический инфаркт в левом легком с последовательным воспалением». 22 октября 1894 г. было произведено вскрытие тела умершего императора. На основании вскрытия были сделаны выводы, что Государь император Александр Александрович скончался: от паралича сердца при перерождении мышц гипертрофированного сердца и интерстициальном нефрите (зернистой атрофии почек).

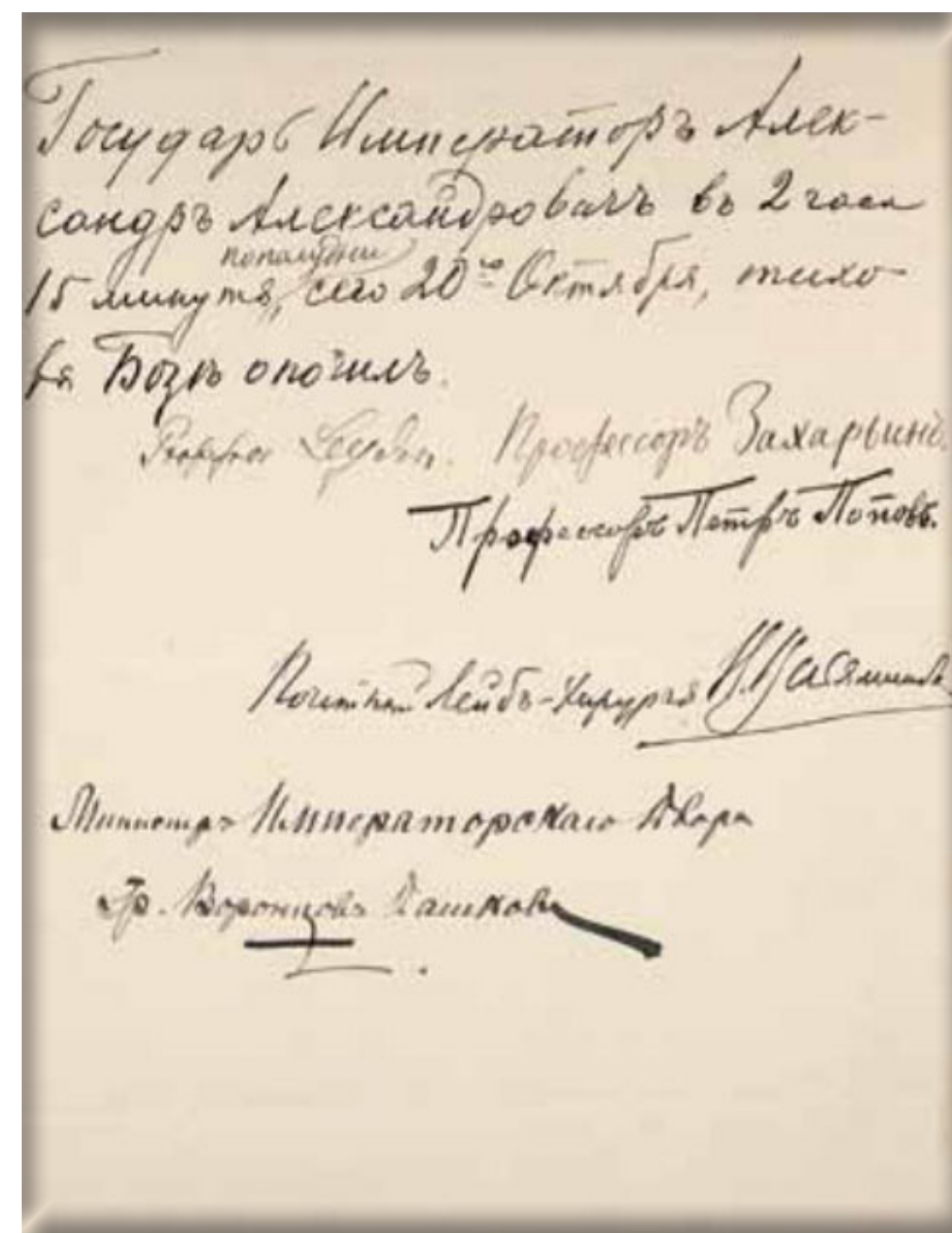
Из врачей, подписавших прижизненный диагноз, на вскрытии присутствовал только Н.А. Вельяминов, и он отмечал, что «о столь грозном увеличении сердца врачи, бесспорно, не знали, а между тем, в этом и крылась главная причина смерти. Изменения в почках были сравнительно незначительны. Повторяю и подчеркиваю, что неточность распознавания не принесла больному ни малейшего вреда, ибо бороться с такими изменениями в сердце мы не имеем средств, но диагноз был не точен – это факт бесспорный». Говоря о коллегах, он подчеркивает объективные факторы, приведшие к диагностической ошибке. Прежде всего, это нежелание Александра III дать серьезно обследовать себя. Он пишет: «...до заболевания инфлюэнцей зимой 1894 года Государь не допускал никакого исследования себя, ошибка же Захарьина и Лейдена смягчалась тем, что они тоже никогда не имели возможности исследовать больного достаточно тщательно и поэтому просмотрели это громадное увеличение сердца».

Таким образом, на момент кончины императора бытовали две версии о причинах смерти царя: первая – от уремии и вторая – от поражения сердца. Современные исследователи кате-

горически отвергают вторую версию, утверждая, что «кардиоmegалия в данном случае – одно из органических осложнений уремии». Медики Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова утверждают, что изменения, обнаруженные при макроскопическом исследовании почек в ходе патологоанатомического исследования тела Александра III, «полностью соответствуют картине «быстро прогрессирующего» или «злокачественного» гломерулонефрита. При этом заболевании рано наступает почечная недостаточность». По мнению врачей, «можно полагать, что пусковым моментом в развитии патологии почек была бактериальная, скорее всего стрептококковая инфекция ... «громадное увеличение» сердца, обнаруженное при вскрытии тела Александра III, равно как и его «паралич», вряд ли носили характер самостоятельной патологии. Можно почти наверняка утверждать, что гипертрофия сердца имела вторичный характер... таким образом, в соответствии с современной классификацией болезнью основным заболеванием императора Александра III следует считать «быстро прогрессирующий нефритический синдром» или «диффузный сер-

повидный гломерулонефрит», а непосредственной причиной смерти – прогрессирующую почечную недостаточность с висцеральными проявлениями уремии».

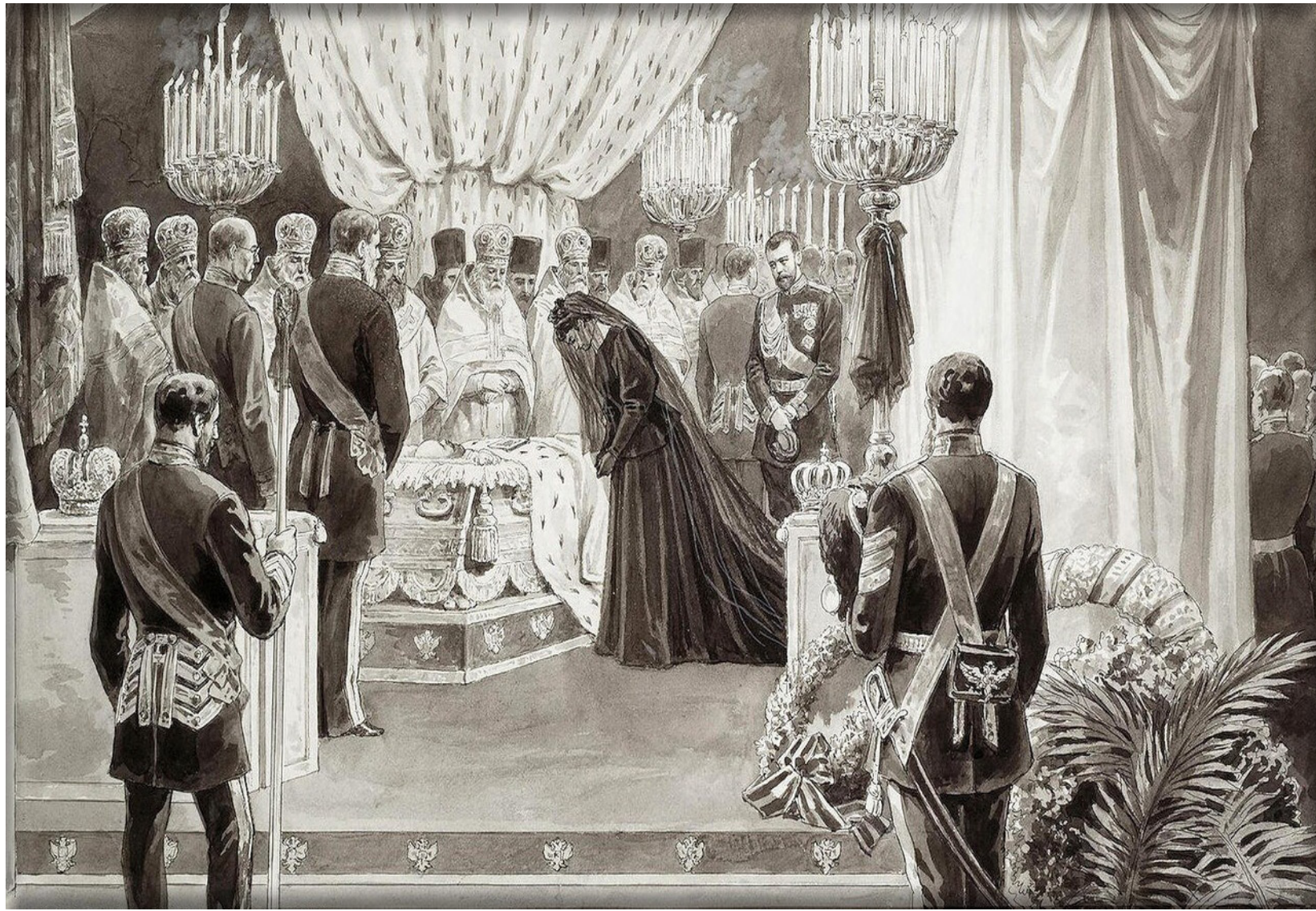
Смерть императора породила самые разные отклики в стране. От равнодушия и официальной скорби до проявлений действительного горя. Естественно, многие задавались вопросом, как могло случиться, что 49-летний, еще недавно полный сил император так быстро умер. Поэтому очень много было разговоров, связанных с оценкой действий врачей в период болезни царя. Эти полусплетни также представляют интерес, поскольку они отражали реальные умонастроения, бытовавшие в то время. Например, уже 23 октября 1894 г. Хорошо информированная Богданович записала в дневнике: «Захарьин в январе, когда вылечил царя от инфлюэнцы, приехав в Москву, всем говорил, что его не смутила инфлюэнца, которой он не придавал значения, но что у царя болезнь почек, которая может скверно кончиться. Когда он про это сказал царице, она на него рассердилась и запретила ему про это писать и говорить. Когда Захарьин был в Петербурге, он задохнулся от дурного воздуха, войдя в спальню царя, в которой были четыре соба-

Бюллетень о смерти Александра III

Медицинское заключение о причинах смерти Александра III

Похороны Александр III. Петропавловский Собор

ки. Эти собаки грязнили всю комнату, а царица не хотела их оттуда увести».

Здесь мы видим, что часть ответственности за трагическое развитие болезни возлагалась на императрицу. Хотя эпизод с собаками выглядит достоверным. Общеизвестно, что царь любил маленькие комнаты с низкими потолками, любил он и собак, и в своих письмах он не единожды поминал своих любимцев, поэтому не мудрено, что от присутствия четырех собак воздух в комнате действительно был несвежим. В дневнике Богданович не единожды приводила слухи, оправдывающие в какой-то степени Захарьина, который после отъезда Лейдена был главным объектом критики. Но вместе с тем она называла его «алчным Захаровым».

Безусловно, Захарьин понимал, что после смерти царя на него обрушится вал критики. Поэтому он пытался от нее застраховаться. В ноябре 1894 г. Богданович записала в дневнике, что во время отъезда из Ялты (в Ливадию 1 октября 1894 г.) Захарьин просил «передать Дурново (министр внутренних дел), что он молит бога не заболеть, что тогда скажут, что он не хотел лечить царя, что он находится в ужасном положении, что ему не позволяют писать то, что он признает необходимым, про здоровье царя, который очень плох, что даже если и продолжится то маленькое улучшение, которое он чувствует, то

это будет только луч надежды, но что надеяться вполне нельзя. У Захарьина, оказывается, была бурная сцена с Воронцовым (министр императорского двора) в Спале, где Захарьин уже тогда признавал положение царя безнадёжным, а воронцов не позволил ему об этом говорить». Действительно, за несколько недель до смерти Александра III был издан циркуляр, который запрещал печатать в газетах любую информацию, связанную с болезнью царя, кроме официальных бюллетеней.

Необходимо согласиться с тем, что требование Захарьина открыто обсуждать в печати ход болезни Александра III было совершенно недопустимо и совершенно справедливо вызвало запрет как со стороны императрицы, так и со стороны министра императорского двора. Для понимания и оценки этих эпизодов необходимо хотя бы коротко охарактеризовать самого Г.А. Захарьина.

Г.А. Захарьин (1829–1897) в 1847 г. поступил на медицинский факультет московского университета своекоштным студентом. В 1864 г. он становится ординарным профессором этого университета. Захарьин организовал первую детскую клинику в русских университетах. Был, по свидетельству современников, блестящим диагностом. Профессиональная репутация его вне всяких сомнений. Это был один из

лучших клиницистов своего времени, создавший свою терапевтическую школу в Москве. Однако многолетняя практика в купеческой Москве, славящейся своими причудами, сформировала не менее причудливый его нрав. Что характерно, во всех дневниках и воспоминаниях его называют не иначе как «знаменитый Захарьин». И в этом «знаменитый» смешалось и уважение к профессиональной квалификации, и насмешка над его чудачествами. Вельяминов, говоря о январской болезни царя, отмечал, что «сначала Захарьин, не ознакомившись с новой для него атмосферой, держал себя скромно, но постепенно освоился и пустил в ход все свои чудачества, которые так способствовали его популярности в московском купечестве». Он приказал прислуге расставить по коридору венские стулья (именно венские), на каждом из которых он для отдыха на минуту садился, проходя по коридору, и надел вместо сапог валенки, в которых отправился к царю. По свидетельству Вельяминова, «служители его ненавидели».

Надо заметить, что о болезни Александра III Захарьин оставил записки, да и почти сразу же после возвращения широко делился своими воспоминаниями о характере заболевания царя. Например, в 1910 г. были опубликованы «воспоминания о проф. Захарьине», автор которых рассказывал о выступлении профессора «в двадцатых числах октября 1894 года, по возвращении его из Крыма, где он тогда вместе с Лейденом пользовал императора Александра III. Эта первая по приезду лекция была посвящена описанию болезни покойного императора. Лекцию я не записывал и не помню всех подробностей, но помню, что лектор возбудил живое сочувствие переполненной и напряженно его слушавшей аудитории. Положение лечивших Александра III было очень тяжелое. Для них с самого начала было ясно, что дни императора сочтены, между тем приходилось каждый день сочинять бюллетени, в которых нельзя было, конечно, говорить о безнадежности положения больного, т.к. Александр III до самого, кажется, последнего дня своей жизни просматривал и русские и иностранные газеты, и не мог не видеть, что о

нем пишут ... Приходилось ежедневно выдумывать такие отчеты о здоровье, которые обманывали прежде всего самого больного, а за ним и весь мир, причем мир специально медицинский имел полное основание утверждать, что больного «не так лечат». Захарьин умел так живо описать свое затруднительное положение, что аудитория проводила его после лекции очень дружными и громкими аплодисментами».

На основании приведенного эпизода можно констатировать, что рот медику никто не затыкал, и он мог активно реабилитировать себя в глазах медицинской общественности. Кроме того, чтобы остановить расползание слухов, Захарьин, нарушая циркулярный запрет, сумел опубликовать в «московских ведомостях» свою версию развития болезни Александра III. Он писал: «распространяемые слухи, что государю во время последней болезни была пущена кровь, а в январскую инфлюэнцу ставились мушки, обусловившие раздражение почек и тем способствовавшие развитию нефрита, ложны; ни кровопускания, ни какого-либо кровоизвлечения не делалось (наоборот, в последнюю болезнь одно время давалось железо), ни мушек не ставилось, как в январскую, так и в последнюю болезнь».

Однако слухи продолжали расползаться, и толпа в доме Захарьина пе-

ребила стекла, а его самого едва спасла полиция. С.А. Толстая в письме к Л.Н. Толстому 27 октября 1894 г. упоминала, что «приносят самые нелепые слухи, как, например, что Захарьин отравился, значит, он виноват, царя отравил, что в доме его все стекла побиты. А между тем Клейн (заслуженный ординарный профессор кафедры патологической анатомии императорского Московского университета действительный статский советник И.Ф. Клейн) анатомировал царя и нашел именно то, что говорил Захарьин».

Говоря о Лейдене, необходимо сказать, что он добросовестно информировал, как ему и было приказано, кайзера Вильгельма II о состоянии здоровья Александра III. Вельяминов писал, что «немцы и тогда придерживались правила не упускать ни одного случая и способа, чтобы узнавать все, что делается у соседей, особенно в России. Лейден как-то признался мне в откровенную минуту, что в Берлинском дворе очень интересуются нашим двором и что по возвращении в Берлин он должен рассказать императору Вильгельму все им пережитое и увиденное в России. Мы удивлялись, каким образом заграничные газеты более осведомлены о происходившем в Ливадии, чем, например, наша публика. Оказалось потом, что во время болезни государя в Ялту пришла какая-то частная немецкая яхта, хозяйкой которой была какая-то дама, крупная корреспондентка германских газет, потом я узнал, что Лейден, выезжая на прогулку, в те дни, когда я его не сопровождал, многократно посещал эту яхту, но держал это в тайне, а по вечерам писал бесконечно длинные письма». Позже в воспоминаниях Лейден подтвердил, что он «доложил о последних минутах царя императору Вильгельму, а также принцу Уэльскому (впоследствии английский король Эдуард VII), находившемуся проездом в Берлине и пожелавшему знать подробно о ходе болезни императора Александра III».

В.Н. Ламздорф оставил в дневнике описание реакции на смерть царя в Петербурге. В записи от 20 октября

1894 г. читаем: «он (министр иностранных дел Гирс) держит только что дошедший до него 9 часовой бюллетень и говорит мне, плача: «Конец» ... на улицах развешиваются два утренних бюллетеня; кое-где публика останавливается возле них, чтобы прочитать, но я не замечаю никакого особенного впечатления... Мрачная новость о смерти государя поступает к нам в 6 часов по телефону из министерства двора на основании телеграммы, присланной великим князем Владимиром своим детям... Не наблюдалось никаких сцен безутешной скорби, вроде тех, которые описываются газетами».

Бальзамирование, произведенное медиками после вскрытия, оказалось неудачным, и, кроме того, внешний облик императора в последние месяцы жизни разительно изменился. Николай II записал в дневнике 22 октября: «Вчера вечером пришлось перенести тело дорогого Папа вниз, потому что, к сожалению, оно быстро начало разлагаться», и добавляет через два дня, 24 октября: «...тело дорогого Папа – оно так изменилось после бальзамирования». Это подтвердили те, кто видел царя в Петропавловской крепости во время панихиды. Богданович записала в дневнике 2 ноября 1892 г.: «Царь очень дурно набальзамирован, лицо совсем синее, покрыто слоем пудры, так, что его совсем нельзя узнать. Руки у него страшно исхудали, пальцы тонки до невероятия».

Медики получили положенные награды и гонорары. Лейдену было выдано 100 000 марок, и Николай II вручил ему орден св. Анны 1-й степени с бриллиантами (стоимость 1950 руб.). Профессора Грубе и Зернов получили по 5000 руб., И.Ф. Клейн и П.М. Попов – по 1500 руб., лейб-хирург двора Его Величества Вельяминов – 3000 руб. Позже, на Рождество в декабре 1894 г., Захарьин получил табакерку с портретом Александра III (стоимость 1844 руб.).

Сергей Девятков
Ольга Кайкова

Чиновник В.Н. Ламздорф